

наш. — Н. В., Д. Ж.), отчасти М. Дмитриева, этого родоначальника всех нелепостей о нашей превосходной комедии <...> Мы говорили уже о ложной характеристике Чацкого, сделанной князем Вяземским, и не возвращаемся к ней более <...> О „небрежности стихов, доведенной до непростительного своеволия“, мог говорить только человек, придающий значение какой-то „правильности“, не страшившийся, очевидно, ни от условных общепринятых форм и лиц французской комедии, ни от условного языка ее. Доказательство этого мы найдем в самых сочинениях князя Вяземского, который постоянно охраняет немножко староватый слог и староватые литературные приемы и, очевидно, щеголял этим архаизмом, как щеголяют некоторые баре старым покроем платья. Впрочем, мнения князя Вяземского так спутаны и так противоречивы, что можно только удивляться тому, что, напр<имер>, г. Галахов принимает некоторые из них за нечто неоспоримое». ⁷³ Как видим, Суворин — случайно или нет? — припомнил Вяземскому эпиграмматические выпады, вероятно ставшие ему известными.

6

Очень соблазнительно было бы, как в прежние времена, вспомнить об отрицательном отношении к публицистике Суворина со стороны В. И. Ленина, ⁷⁴ что отразилось, в частности, в ленинской «Искре»: «...изыскать средство проучить беззастенчивого публициста, да так проучить, чтобы впредь не повадно было этой правительственной рептилии». ⁷⁵ Однако князь Вяземский вряд ли бы, объективно говоря, стал союзником социал-демократов. Его эпиграммы на Суворина парадоксально выделяют младшего современника среди других мыслителей второй половины XIX века, делая ему честь не только весьма избирательным вниманием, но и лестным сравнением с двумя яркими литературными фигурами предшественников.

⁷³ Суворин А. Россия превыше всего. С. 464–467.

⁷⁴ См. его статью «Карьера» (1912). См., например: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969. С. 258–259.

⁷⁵ Цит. по: Искра. № 1–52. Декабрь 1900 — ноябрь 1903: [В 7 вып.] / Полный текст под ред. и с предисловием П. Лепешинского. Л., 1925. Вып. 1. № 1–7. С. 44.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-104-133

© К. А. Кумпан

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — УЧЕНИК ТРЕТЬЕЙ ГИМНАЗИИ (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА) ЧАСТЬ 2*

Учителя

В плане второй песни поэмы «Старинные октавы» имеется пункт: «Учителя. Лимониус. Кесслер. Бюрик. Семенников». ¹ Трем первым преподавателям («классикам») в поэме посвящены специальные строфы, а последний педагог в поэме не упомянут, и, по всей видимости, не случайно.

* Первую часть статьи см.: Русская литература. 2021. № 1. С. 124–144. Выражаю искреннюю благодарность Е. Л. Ермолаевой за ряд ценных указаний.

¹ ИРЛИ. № 24270. Л. 61. Опул. в прим. к поэме, см.: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., прим. и подг. текста К. А. Кумпан. СПб., 2000. С. 876. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

Петр Петрович Семенников (1838–1900) начал преподавать в третьей гимназии с лета 1872 года. Судя по его личному делу, у него не сложились отношения с директором Лемониусом, и под предлогом «нервного недомогания» он в 1881 году вынужден был уволиться.²

Мережковскому Семенников преподавал математику с 1 по 6 класс включительно. Петр Петрович был общим любимцем гимназистов. Кроме того, что он прекрасно и очень внятно излагал свой предмет, он еще был просветителем, инициатором частного библиотечного дела в Петербурге, основателем нескольких городских библиотек для чтения (очень хорошо подобранных, созданных, чтобы облегчить людям «нахождение необходимых им пособий»),³ учредителем библиографического общества и автором библиографических и историко-литературных работ. Известно доверительное и благодарственное письмо к нему И. Ф. Анненского.⁴

«Мы уважали его, как чрезвычайно добросовестного преподавателя. Но особенно любили и ценили его за воспитательные беседы, которые он от времени до времени вел с воспитанниками старших классов в часы уроков, если то позволяло своевременное прохождение курса. Беседы велись на нравственные и житейские темы и заставляли юношей задумываться над многими житейскими вопросами», — вспоминает В. Г. Дружинин.⁵

Однако в окончательном тексте поэмы П. П. Семенникову не нашлось места. В созданный поэтом образ гимназии как бездушной казенной темницы он не вписывался.

Лемониус

Первым из учителей и в плане, и в тексте поэмы воссоздан образ директора и «грециста»:

XLVI

Лимониус, директор, глух и стар,
Софокла нам читал и Одиссею,
Нас усыплять имея редкий дар;
Но до сих пор пред ним благоговей,
Лишь вспомню, с крепким запахом сигар,
Я вицмундир перед скамьей моею
И тонкий пух седых его волос,
И в голубых очках багровый нос.

XLVII

Урок по спрятанной в рукав бумажке,
Бывало, всякий бойко отвечал.

² В «Прошении об увольнении» П. П. Семенников писал: «...те мои качества, которые, по моему убеждению, составляют главное и, может быть, единственное мое достоинство, являются в глазах Вашего Превосходительства существенными недостатками» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 334. Л. 46). После увольнения из третьей гимназии Семенников преподавал в гимназии и реальном училище Я. Г. Гуревича (1887–1895); его сын, Владимир Петрович Семенников (1885–1936), был известным специалистом по русской литературе и книжному делу XVIII века. Архив отца и сына см.: ИРЛИ. Ф. 275.

³ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина // За сто лет (Петербургская б. третья гимназия): Воспоминания, статьи и материалы / Сост. Н. А. Соколов. Пг., 1923. С. 104.

⁴ Анненский И. Ф. Письма: В 2 т. / Сост. и комм. А. И. Червякова. СПб., 2007. Т. 1. 1869–1905. С. 125–136. Семенников снабжал Анненского нужными ему книгами, а поэт и специалист по античной литературе посылал ему библиографические справки по публикациям новых работ «классиков».

⁵ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 104. См. здесь же рассказ о том, как его выпуск (1879 год) по окончании учебы устроил неофициальное и трогательное чествование Семенникова как любимого преподавателя и лучший ученик произнес речь, а класс «поднес ему на память серебряный подстаканник на блюде, на котором были выгравированы фамилии всего выпуска».

При нем играли в карты мы и в шашки:
 Нам добродушный немец все прощал;
 Но вдруг за белый воротник рубашки
 Неформенной, за галстук он кричал
 С неожиданным пылом ярости безмерной
 И тем внушал нам трепет суеверный.

(с. 565–566)

Настоящая фамилия директора была Лемониус. Лимониусом прозвали его гимназисты, которые почти всем учителям и воспитателям давали клички, а директора еще «изображали графически <...>: рисовался лимон, рядом с рисунком с правой стороны ставилась буква „и“ и затем изображался ус».⁶ В годы обучения Мережковского Лемониус имел небольшую педагогическую нагрузку: преподавал греческий язык только в старших классах.

Вильгельм (Василий) Христианович Лемониус (1817–1903) происходил из петербургских немцев. Судя по формулярному списку отца, хранящемуся в личном деле директора,⁷ Христиан Лемониус был в какой-то мере коллегой отца Мережковского, служа в той же Придворной Его Величества конторе, но только значительно раньше и рангом ниже: в 1830-е годы он исполнял должность бухгалтера и казначея конторы и, в отличие от Сергея Ивановича (тайного советника), дослужился только до надворного.

В. Х. Лемониус в 1837 году золотым медалистом закончил третью гимназию, потом историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата (1841) и как лучший студент был отправлен для продолжения классического образования в Берлинский университет. В возрасте 26 лет (в начале 1844 года) был определен старшим учителем латинского языка в свою родную третью гимназию, а затем в ней же получил должность старшего учителя греческого (с 1850 года). Одновременно он занимал еще несколько должностей: как латинист и заместитель директора в училище при лютеранской церкви Святой Анны с 1845 года,⁸ а также получил вакансию лектора латинского языка в Императорской медико-хирургической академии,⁹ сдав экзамен на магистра греческой и римской словесности при Петербургском университете¹⁰ (1850). Тройная педагогическая нагрузка, видимо, объяснялась особым рвением Лемониуса о классическом образовании,¹¹ поскольку учителей древних языков в России тогда не хватало. И только заняв пост директора (29 января 1859 года), он отказался от многолетней преподавательской практики в трех учебных заведениях одновременно. Лемониус заслуженно пользовался непререкаемым научным и педагогическим авторитетом среди коллег и чиновников Министерства просвещения. О том, что он смолоду не щадил себя, свидетельствует тот факт, что уже в 1845 году Лемониус начал страдать «геморроидальным заболеванием»¹² и «по Высочайшей воле» был отправлен на Карлсбадские минеральные воды на излечение. В 1866 году ему было «Высочайше поручено» провести проверку образования в женских гимназиях императрицы Марии,¹³ а в 1870–1871 годах он был привлечен к разработке нового устава классиче-

⁶ Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия // За сто лет. С. 137.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 216. Л. 8–20. О Лемониусе также см.: Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века. «Германовское» направление: материалы для биографического словаря. СПб., 2015. С. 261–262.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 216. Л. 43–45, 62–65.

⁹ Там же. Л. 67–70, 73.

¹⁰ Там же. Л. 71–72.

¹¹ В отличие от многих учителей, которым приходилось нести большую педагогическую нагрузку ради куска хлеба, Лемониус до назначения его директором имел на руках только одного сына, остальные шестеро детей: четыре дочери и два сына — родились уже после того, как он занял пост директора гимназии (Там же. Л. 220), т. е. прекратил преподавать по совместительству.

¹² См. медицинскую справку: Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 125.

ских гимназий¹⁴ в Комиссию по реформе средней школы под эгидой гр. С. Г. Строганова, предпринятой гр. Д. А. Толстым. В начале 1871 года Лемониус был откомандирован в Берлин для знакомства с высшим женским образованием в Германии;¹⁵ с этого же года состоял членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, принимая участие во многих педагогических начинаниях: в разработке программ, в составлении новых учебников по латинскому и греческому языкам, в реформе женского среднего и высшего образования (деятельно работал в Комиссии по вопросу об учреждении в России высших женских курсов), а также в организации реальных училищ, училищ для обучения слепых детей и т. д.¹⁶ С 30 ноября 1896 года Именным высочайшим указом Лемониус был назначен членом Совета министров народного просвещения с чином тайного советника.¹⁷

Портрет директора нарисован в поэме хоть и несколько шаржировано, но точно. Таким запомнился он и выпускникам гимназии: «В мое время это был уже глубокий старик. Довольно высокого роста, прямой, как палка, с совершенно белыми, длиноватыми волосами, окаймляющими изрядную лысину, с гладко выбритым подбородком и усами, с белоснежными баками, с синевато-красным большим носом, при очках, весь пропахнувший сигарным дымом, с пожелтевшими от курения сигар пальцами...» — вспоминал директор В. А. Оппель, закончивший третью гимназию на восемь лет позже Мережковского.¹⁸

И почти таким же предстает Лемониус в мемуарах учившегося на год позже Мережковского Б. К. Ордина: «Главным лицом в древнем мире 3-й гимназии был ее директор Вильгельм Христианович Лемониус, — личность, несомненно, вполне историческая, но вместе с тем как бы мифическая и легендарная. Несмотря на темно-синие очки, темно-синий вицмундир и табачный дух, исходивший от его платья и от большого клетчатого носового платка (он был одним из последних могижан, нюхавших еще табак), для многих гимназистов моего времени в нем сочетались черты если не древнего героя, то чего-то сказочного. Для многих он обладал божественными, по Гомеру, чертами: он был как будто <...> „вечно несокрушимый“, и он, казалось, обладал некоторыми свойствами вечности:¹⁹ я и мои сверстники знали и слышали от старших, от наших дядей и отцов, что не было времени, когда бы в 3-й гимназии не было Лемониуса <...>. Лемониус, казалось, как какой-то библейский Мельхиседек, пребывал вовеки».²⁰

Итак, когда Мережковский поступил в третью гимназию, Лемониус уже 16 лет директорствовал и более 30 лет вел древние языки. В начале своей педагогической деятельности он, судя по мемуарам выпускника гимназии К. К. Сент-Илера, учившегося на 30 лет раньше Мережковского, был «превосходным преподавателем». Ученик с благодарностью вспоминает, что под руководством Лемониуса его третий класс «сильно продвинулся» в греческом: был пройден «весь элементарный курс грамматики», а кроме того, ученики «довольно много переводили из Корнелия Непота. Нас научили готовиться к переводам, отыскивать слова в лексиконе, разбирать латинский текст по частям предложения, отыскивать главные и придаточные предложения и т. д.».²¹

Однако во времена Мережковского Лемониус являл собой тип «человека в футляре» и, как вспоминал Н. Я. Чистович, будучи «классически образованным», едва ли понимал и интересовался «чем-нибудь вне своего классически монотонного

¹⁴ Там же. Л. 143–144.

¹⁵ Там же. Л. 147–149.

¹⁶ Там же. Л. 153, 155 и др.

¹⁷ Там же. Л. 326.

¹⁸ *Опель В. А.* Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 138.

¹⁹ Эта характеристика корреспондирует с процитированным стихом поэмы: «Но до сих пор пред ним благоговею».

²⁰ *Ордин Б.* Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии // За сто лет. С. 115.

²¹ Из воспоминаний К. К. Сент-Илера // Там же. С. 40.

существования».²² «Немало потрудившийся на своем веку В. Х. Лемониус бесспорно долгие годы был как бы знаменем классицизма. Но в годы прохождения мною <...> курса гимназии он уже ничего нового в преподавание не вносил», — вспоминал Б. К. Ордин.²³

Говоря об авторах, которых Лемониус разбирал на уроках греческого языка («*Софокла нам читал и Одиссею*»), Мережковский допускает неточность. Действительно, на уроках греческого у Лемониуса читали Софокла и Гомера, но не «Одиссею», а «Илиаду». Пользуясь рукописной программой по греческому и экзаменационными листами, можно уточнить эти курсы. В седьмом классе Мережковский проходил под руководством Лемониуса «Илиаду» (начиная с первой песни), а в восьмом трагедию Софокла «Филоклет».²⁴ Об этом свидетельствуют и вопросы по греческому языку на выпускном экзамене — у Мережковского в экзаменационном листе в качестве первого вопроса записано: «П. VII 91–120».²⁵

Обстановка на уроках и манера преподавания Лемониуса передана Мережковским точно. Она запечатлена и в мемуарах воспитанников, обучавшихся с ним по одной программе: «В VII классе, т. е. предпоследнем, он читал с нами „Илиаду“ Гомера, а в VIII классе „Филоклет“ Софокла. Чтение состояло в том, что вызывавшиеся по алфавиту воспитанники читали последовательно по десятку стихов и переводили. Любители, к числу которых принадлежал я, обыкновенно выручали товарищей, отрицательно относившихся к классикам. Это делалось тем проще, что Лемониус <...> никак не мог выучиться разбирать нас, и потому бывали и нередко случаи, что я, например, переводил Гомера за хронически игнорировавшего его моего товарища, Сергея Рябинкина».²⁶

Методу занятий у Лемониуса вспоминали еще несколько учеников. Так, например, предстает она в воспоминаниях Н. Я. Чистовича: «Он читал нам исключительно Гомера. Уроки заключались в том, что мы ему переводили отрывок из Одиссеи или Илиады, а он нам объяснял особенности ионического диалекта, на котором написаны эти произведения, и объяснял значение прочитанного по примечаниям к читаемому тексту. А так как у некоторых из нас было то же самое издание, то мы отлично видели, что все свои сообщаемые знания он почерпал из этих примечаний. Человек он был добрый, никому зла не делал, но и пользы мы от него не чувствовали».²⁷

И через девять лет, как явствует из воспоминаний В. А. Оппеля, Лемониус оставался столь же добродушно-нетребовательным на уроках: «Давая уроки, он никогда не пользовался кафедрой. Он садился на стул перед средней из переднего ряда парт, раскладывал большое издание Гомера с примечаниями и таким образом проводил свой час, спрашивая заданное. Гимназисты отлично учитывали его мирное настроение: процветали подстрочники, уроки готовились, следовательно, самым примитивным образом. Был удовлетворен Лемониус, были удовлетворены гимназисты. Уроки шли мирно и безмятежно».²⁸

В связи с разбором Лемониусом трагедии «Филоклет» Б. К. Ордину запомнились некоторые комические моменты: «В VIII классе „Филоклет“ Софокла дал нам, рядом с тем возвышенным интересом, который представляет собою знакомство с высокими греческими трагиками, ряд веселых настроений и эпизодов. Прежде всего, Лемо-

²² Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича // Там же. С. 96.

²³ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 116.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 23.

²⁵ Там же. № 2306. Л. 25. На экзаменах по латыни и греческому требовалось читать à livre ouvert фрагменты из изучаемого в гимназии произведения, но не те, что разбирались на уроках.

²⁶ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 116. Рябинкин Сергей Николаевич (1867–1901) — в будущем юрист и чиновник Министерства путей сообщения (см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.: Историко-биографический справочник / Сост. Б. В. Федоров. СПб., 2011. С. 378).

²⁷ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 96.

²⁸ Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 138.

ниус, в 1850 году написавший на латинском языке диссертацию: „De parasceniis. Dissertatio philologica et archaeologica“,²⁹ считал себя знатоком греческой сцены и читал нам вступительную лекцию об устройстве древнегреческого театра. Не обладая умением хорошо чертить, он на классной доске мелом довольно плачевно изображал план театра, причем гимназисты забавлялись как неудачно проводимыми им линиями, так и несоответственными названиями, которые он давал чертиму. Так он вписывал в круг (напоминавший неудачный блин) „куб“ (вместо квадрата), проводил „касающую“ вместо „касательной“ и т. п. Бурное сочувствие страдальческим воплям Филоктета вызывали смачно читавшиеся Лемониусом восклицания: „παππαπαπα“ (ст. 754³⁰), „παππαί, φεῦ“³¹, „ἀττάται“ (ст. 785–790),³² и радостно улыбались лица, когда Филоктет в последних стихах (1454) упоминает: „Νύμφαι ἔνυδροι Λεϊμωνιάδες“ («Нимфы, живущие в воде, луговые» «Леймониады»),³³ в которых приветствовали родственниц Лемониуса».³⁴

В качестве постскриптума следует отметить, что эмоциональное чтение Лемониусом трагедии Софокла, как и его лекции о древнегреческом театре, которые, наверняка, слушал в подобном исполнении в последнем классе гимназии и Мережковский (учившийся на год раньше мемуариста), вряд ли можно характеризовать стихом «Нас усыплять имея редкий дар». И лекции, и разбор трагедии могли заразить поэта «возвышенным интересом, который представляет собою знакомство с высокими греческими трагиками» (по словам того же мемуариста): напомним, что в университете Мережковский записался на курс по Софоклу к крупнейшему грецисту, в частности специалисту по древнегреческому театру П. В. Никитину,³⁵ а через несколько лет стал известен именно как вдохновенный переводчик трех трагедий Софокла («Эдип-царь», «Антигона» и «Эдип в Колоне»). Впрочем, в какой мере этому способствовал курс Лемониуса, сказать трудно.

И наконец, некоторых коррективов требует фраза «С нежданным пылом ярости безмерной...» и т. д. Эти стихи о «разносах», которые директор устраивал ученикам «за белый воротник рубашки неформенной» или «за галстук», плохо согласуются с образом благодушного Лемониуса.

Ученики в своих воспоминаниях подчеркивали, что Лемониус «был человек чрезвычайной доброты; он прекрасно относился к воспитанникам. Его за это ценили гимназисты, что бывает редко; обыкновенно оценка педагогов производится гораздо позднее, в зрелом возрасте. Но к Лемониусу <...> все относились с почтением. Впоследствии мы узнали, что он пользовался большим уважением педагогов за то, что, не щадя себя, при всяких нападках на них со стороны Округа и даже Министерства, всячески их защищал и отстаивал <...>. Был даже случай, когда он подал в отставку, заступаясь за педагога своей гимназии, и таким способом спас его. Надо заметить, что почитали его и пансионеры, которые, как живущие в гимназии, всегда строже судили свое начальство. Кроме пребывания в гимназии во время занятий и уроков в старших классах, Лемониус посещал часто вечерние занятия пансионеров, причем одет был уже не в вицмундире, а в простой домашней куртке. Он обходил столы, за которыми занимались

²⁹ «О параскениях: Диссертация филологическая и археологическая» (лат.). Параскений в античном театре — строение, которое примыкало к сцене (постройке для переодевания актеров) справа и слева; использовалось для хранения театрального реквизита.

³⁰ См. ст. 745: «ἀπαπαπαπαί, παπαπαπαπαπαί» и ст. 754: «παπαπαπαί» (παπαί — ах! увы!).

³¹ См. ст. 792: «φεῦ, παπαί».

³² См. ст. 790: «Ἐχέτε τὸ πρῶμα μὴ φύγητε μηδαιῖ / Ἀττάται» (ἀττάται — ах! ох! (восклицание, выражающее боль)). Имеются в виду стихи из «Эпизодия второго» с жалобами Филоктета на боль в ужаленной змеей ноге.

³³ Точнее: «Νύμφαι τ' ἔνυδροι Λεϊμωνιάδες». Стихи в финале трагедии, в которых Филоктет, покидающий остров Лемнос, произносит молитву земле и местным богам острова, в том числе и луговым нимфам.

³⁴ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 116–117.

³⁵ См. квитанции с записями на эти лекции в студенческом деле Д. С. Мережковского (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 76).

воспитанники, присматривался к работам их, вступал с ними в беседы, был всегда ласков».³⁶ Это же отмечал и другой мемуарист: «В общем В. Х. Лемониус был очень благодушен и <...> почти никогда не душил нас и хронически повторял прилежно учившимся воспитанникам, отвечавшим ему и за себя, и за плохих: „Очень хорошо!“».³⁷

Таким образом, Лемониуса не боялись, он не унижал учеников, хотя, действительно, будучи человеком формации «шестидесятников», недолюбливал франтов, и тот же Ордин вспоминал: «Директор Лемониус как-то при мне за элегантную куртку с металлическими пуговицами сделал замечание благообразному Баумгарту,³⁸ назвав его „Какой-то Адонис!“».³⁹ Однако ни крика, ни «ярости безмерной» никто из учеников от Лемониуса не слышал. Мережковский явно сгустил краски. Вероятно, поэт в образе директора гимназии дал некий собирательный образ воспитателей и наставников, многими из которых «изящный покрой и металлические пуговицы, не говоря уж от воротника до груди, строго преследовались».⁴⁰

Кесслер

Вслед за Лемониусом в тексте поэмы (как и в плане) дан образ латиниста Кесслера; он единственный из педагогов удостоен в поэме высокой оценки:

XLVIII

Честнейший немец Кесслер — латинист,
Заросший волосами, бородатый,
На вид угрюм, но сердцем добр и чист, —
Как древние Катоны, Цинциннаты
И Сцеволы; большой идеалист,
Из года в год, отчаяньем объятый,
Всем существом грамматику любя,
Он нас терзал и не жалел себя.

XLIX

Ответов ждал со страхом и томленьем,
Краснея сам, смущаясь и дрожа:
Ему казалась личным оскорбленьем
Неправильная форма падежа,
Ему глагол с неверным удареньем
Из наших уст был как удар ножа.
Земному чуждый, пламенный фанатик,
Писал он ряд учений грамматик.

(с. 566)

Сравнения Кесслера с образцами римской доблести, стойкости и скромности были кратко повторены в черновом варианте «Автобиографической заметки»: «Мне казалось, что благородный, честный, прямой и простой, он сам похож на древнего римлянина».⁴¹ Эти характеристики латиниста совпадают не только с отзывами выпускников, но и с характеристиками в его личном деле.⁴²

³⁶ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 101.

³⁷ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 117.

³⁸ Речь идет о Михаиле Николаевиче Баумгарте (1865–?), сыне генерала, в будущем чиновнике особых поручений (см.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 72).

³⁹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 120.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ИРЛИ. № 24384. Л. 7.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 170. О Кесслере см. также: Смышляева В. П. Российские филологи-классики XIX века. «Германовское» направление. С. 204–205.

Эрнест Эрнестович Кесслер (1842–1896) происходил из остзейских немцев («*Честнейший немец*»); он кончил в 1863 году историко-филологический факультет Дерптского университета, потом как казенный стипендиат педагогические курсы и был командирован в частный пансионат г. Биркенру в Лифляндии (1864–1865), а после получения степени кандидата (в Дерптском университете в 1865 году) был переведен учителем латинского языка в классическую Могилевскую гимназию, совмещая педагогическую работу с работой классного наставника и библиотекаря. Оттуда в 1873 году Кесслер был перемещен в третью петербургскую гимназию. С 1879 года он также преподавал латинский язык в гимназии Ф. Ф. Бычкова по найму,⁴³ а с 1893 года значился преподавателем Историко-филологического института.⁴⁴ В третьей гимназии он прослужил до самой смерти и, как сказано в одном из документов личного дела, скончался «почти при исполнении своих обязанностей» «из-за переутомления, от напряженных и усиленных занятий» (см. в приложенном к делу свидетельстве врача: умер от остановки сердца).⁴⁵ После 20-летней выслуги лет (в 1883 году) он был оставлен на должности латиниста еще на пять лет (до 1889 года), потом еще, а в 1894 — снова на тот же срок.⁴⁶ В его личном деле сохранилось три письма директора Лемониуса управляющему Петербургским учебным округом с прекрасными характеристиками Кесслера. В первом, от 1 января 1878 года, в связи с предложением дать ему звание заслуженного преподавателя (несмотря на стаж, который был меньше, чем у некоторых других преподавателей гимназии), Лемониус писал: «Принимая во внимание отлично-полезную и усердную службу преподавателя латинского языка <...>, обратившего на себя внимание и ученым трудом своим, удостоенным Петровской премии, и усматривая, что и вообще на учебной службе он находится уже почти 18 лет (с января 1864 года), я считаю справедливым представить ему вполне заслуженное им означенное звание...». И далее директор указывал, что Кесслер превосходит многих учителей «по учебно-воспитательной деятельности, как составитель учебной книги, которая приносит пользу учащимся и за стенами 3 СПб. гимназии».⁴⁷ Во втором прошении (1889), настаивая на вторичном «оставлении» латиниста в гимназии, директор писал: «Зная г. Кесслера по отзывам самых компетентных в этом деле лиц как человека, отличающегося педагогическими и нравственными качествами, и из предоставленного им в Филологическое общество учебно-литературного труда, лично убедившись в положительности филологических его познаний, я покорнейше прошу Ваше превосходительство <...> утвердить г. Кесслера в должности преподавателя латинского языка в высших классах 3 СПб. гимназии».⁴⁸ Настаивая на этой своей просьбе в следующем «прошении», Лемониус писал: «Г. Кесслер, за время пребывания в гимназии, своими педагогическими способностями снискал уважение как учащихся, так ровно и товарищей и, можно сказать, служит украшением гимназии».⁴⁹ А в последнем «прошении», составленном уже после смерти учителя, ходатайствуя о пенсии его вдове,⁵⁰ Лемониус прибегает к высокой патетике, называя Кесслера «образцом представителей педагогики, успевшим поднять свой предмет на необычайно высокий уровень, подавая своим сотрудникам пример высшей исправности, честности и добросовестности», и утверждает, что Кесслер «приобрел у своих учеников непоколебимый авторитет и глубокое уважение».⁵¹

Отзывы учеников подтверждают слова директора.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 170. Л. 68–71. Позже (с 1883 года) гимназия Ф. Ф. Бычкова стала гимназией Я. Г. Гуревича.

⁴⁴ Там же. Л. 86. Смышляева указывает, что Кесслер преподавал не в Историко-филологическом институте, а в гимназии при нем, но документы личного дела это не подтверждают.

⁴⁵ Там же. Л. 102 об.

⁴⁶ Там же. Л. 6–6 об.

⁴⁷ Там же. Л. 58–58 об., 60–61.

⁴⁸ Там же. Л. 8–8 об.

⁴⁹ Там же. Л. 84.

⁵⁰ В прошении, в частности, указано, что вдова имеет на руках трех малолетних детей, причем один ребенок — инвалид.

⁵¹ Там же. Л. 102–102 об.

«Латинский язык преподавал Э. Э. Кесслер, автор прекрасного руководства к изучению латинского синтаксиса, преподаватель Историко-филологического института, где студенты ценили его и любили, как и гимназисты, за обширные знания и за справедливое отношение к ученикам, несмотря на большую строгость и требовательность в отношении к его предмету, — вспоминал В. Г. Дружинин. — Он особенно как-то умел прививать знание предмета и внушать к нему интерес и любовь даже среди гимназистов, которые потом в университете избирали себе специальностью естественные науки. И эта любовь оставалась на всю жизнь, чему можно привести многочисленные примеры. При этих условиях знание латинского языка было выдающееся среди других гимназий. Кесслер достигал не только умения переводить и понимать прочитанное из автора, но и пересказывать собственными словами на языке подлинника».⁵²

Наиболее развернутая характеристика Кесслера встречается в воспоминаниях Бориса Ордина, здесь же нарисован его портрет, совпадающий с обликом латиниста в поэме «Старинные октавы»: «Но первым из dei maiores, своего рода Зевсом, или Юпитером, на преподавательском Олимпе гимназии моего времени был самый выдающийся преподаватель 3-й гимназии — знаменитый в наших глазах латинист — Эрнест Эрнестович Кесслер. Небольшого роста, широкоплечий, с умным лицом, обрамленным довольно густыми темными волосами, с большим умным лбом и строгими, иногда на мгновение вспыхивавшими остроумием или насмешкою глазами, обыкновенно серьезно смотревшими сквозь большие золотые очки, Э. Э. Кесслер одним своим обликом производил на учеников самое дисциплинирующее влияние.

Его урока ждали с трепетом, иногда с замиранием сердца; но этот трепет проистекал вовсе не от страха перед суровостью или строгостью, а был естественным явлением: природное достоинство, большие знания, вследствие этого большой авторитет преподавателя были вне сомнения. Он знал свой предмет великолепно. Известны его грамматика, синтаксис и особо изданные и обработанные для русских гимназистов старших классов „Radke’s Materialien“,⁵³ т. е. особо избранные и составленные по Цицерону и другим классикам русские статьи, полные всяких грамматических и синтаксических трудностей, для перевода на латинский язык. На уроках Э. Э. Кесслера не бывало ни шума, ни глухой возни, ни пререканий. С момента, когда дежурный по классу шепотом сообщал: „Кесслер идет!“ — все замолкало и приходило в порядок. Он входил в класс, легким движением глаз и головы приветствовал вытянувшихся для его встречи учеников, садился на кафедру, пробегал журнал, в котором делал установленные пометки, и сейчас же принимался за урок, который у него шел постоянно напряженным темпом, при сосредоточенном внимании большинства класса. Языков не распухнули, а „favebant linguis“,⁵⁴ т. е. говорил только один отвечающий, а все прочие молчали. <...> Получить от него похвалу или пятерку было лестно и приятно. Какой смех и оживление охватывало класс, когда Э. Э. Кесслер, никогда не травивший и не преследовавший пристрастно учеников, со свойственным ему юмором, по необходимости, изобличал учеников в их незнании или нерадивости. В общем, латинским языком занимались усердно, и большинство шло удовлетворительно».⁵⁵

Кесслер начал преподавать у Дмитрия Мережковского латынь с четвертого класса, а в старших классах был наставником выпуска.⁵⁶ Из текстов, которые читались на уроках по латыни в программе третьей гимназии,⁵⁷ указаны следующие:

⁵² Далее в своих воспоминаниях Дружинин рассказывает об инциденте с шуточной поэмой записного классного поэта, которая называлась «Война гимназистов с чертями за освобождение Кесслера из ада»; поэма попала в руки к латинисту, но не только не вызвала нареканий (несмотря на то, что переписывалась автором на его уроке), а доставила «большое развлечение» ему и другим учителям гимназии (*Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 103–104*).

⁵³ См. ниже пояснение к стиху: «Писал он ряд ученейших грамматик».

⁵⁴ «Хранили благоговейное молчание» (*лат.*). Переделка крылатого выражения «faveat linguis», восходящего к ритуальной фразе, которой сопровождалось жертвоприношение у римлян.

⁵⁵ *Ордин Б.* Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 119.

⁵⁶ См. его подпись классного наставника в экзаменационной ведомости за седьмой класс (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2305. Л. 39).

⁵⁷ Там же. № 5089. Л. 19 об. — 20 об.

4 класс

Чтение Юлия Цезаря *De bello Gallico* VII кн. Прочтено будет около 70 глав.⁵⁸

Как подготовка к чтению Овидия, будут сообщены главнейшие правила латинской просодии. 1 урок.

В примечаниях к чтению Цезаря будут сообщаемы географические, исторические и особенно стилистические сведения. От учеников будет требоваться отчет в содержаниях отдельных глав писателя и, по возможности, по-латыни.⁵⁹

5 класс

Sallustius. *De bello Jugurthino* <liber>.
Ovidius. Отрывки.⁶⁰

6 класс

Vergil. *Aen*<eis> I.⁶¹
Cicero *pro Archia poeta*.⁶²

7 класс

Vergil IX, X.⁶³
Livius II C. 176 qq.⁶⁴

8 класс

Cicero *de officiis*.⁶⁵
Horatius. *Carmina* (в 1 полугодие).⁶⁶
Horatius. *Satirae et epistolae* (во 2 полугодие).⁶⁷

Мережковский в средних классах занимался по латыни усердно, а в четвертом классе (с приходом Кесслера) по устному экзамену получил столь редкую у латиниста пятерку.⁶⁸ В четвертом, пятом и шестом классах он учился на среднюю четверку, однако в старших, видимо увлекшись другими предметами и собственным творчеством, скатился на тройку. В аттестате за общий курс обучения на педагогическом

⁵⁸ В тетради с черновыми упражнениями по разным предметам Мережковского-пятиклассника имеется изложение третьей книги «Записок о Гальской войне» под заглавием «Битва Цезаря с Венетами» (ИРЛИ. № 24360а. Л. 28–34 об.).

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5058. Л. 24 об. — 25.

⁶⁰ Перечень текстов, которые разбирались на уроках латыни в пятом классе см. в первой части статьи (Русская литература. 2021. № 1. С. 135).

⁶¹ Вергилий «Энеида», кн. I.

⁶² Возможно, были использованы издания: 1) Речи Цицерона за поэта А. Архия / Объяснил Ю. Френкель. 3-е изд., доп. М., 1877 (текст на латинском языке); 2) Речи за поэта А. Архия и за Кв. Лиария. Текст на латинском языке, подстрочный пер. и словарь для учащихся без помощи учителя / Сост. М. Д. Гофман. Одесса, 1875.

⁶³ Вергилий «Энеида», кн. IX и X.

⁶⁴ Имеется в виду вторая книга «Истории от основания города» («Ab Urbe condita») Тита Ливия.

⁶⁵ Политический трактат Цицерона «Об обязанностях».

⁶⁶ Какие именно оды Горация проходили на уроках Кесслера, установить не удалось.

⁶⁷ Какие сатиры и послания Горация читались на уроках Кесслера, установить не удалось. Чтобы дополнить список текстов по латыни, изучавшихся в третьей гимназии, добавим, что у Кеммерлинга в третьем классе читалось сочинение Корнелия Непота «О знаменитых мужах» («De viris illustribus») и указывалось, что в примечаниях к чтению Непота «будут сообщаемы географические, исторические и особенно стилистические сведения» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 19). Отметим, что биографию Аристиды из этой книги Мережковский в четвертом классе пересказывал в качестве изложения на уроках словесности (см. список сочинений Мережковского ниже).

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2301. Л. 87.

совете ему была выставлена тройка, но на выпускном экзамене он получил у Кесслера четверку.⁶⁹

Следует отметить одну немаловажную деталь. В стихах поэмы Кесслер предстает как «фанатик» грамматики, тогда как выпускники гимназии подчеркивали, что «в старших классах, благодаря, может быть, всего более Кесслеру, некоторые из нас полюбили древних классиков и познакомились с античным миром».⁷⁰ Об интересе Мережковского к изучаемой на уроках Кесслера латинской поэзии свидетельствуют его гимназические переводы из Овидия⁷¹ и Горация.⁷²

В последнем стихе фрагмента поэмы, посвященного этому выдающемуся латинисту («Писал он ряд учнейших грамматик...»), речь идет о следующих составленных Кесслером учебниках и пособиях:

1) Упражнения в переводе с русского на латинский с примечаниями для высшего класса гимназий по Radke's Materialien zum Uebersetzen ins Lateinische / Обработали Э. Кесслер и Вл. Краузе. СПб., 1881.

2) Краткая грамматика латинского языка. СПб., 1878 (книга продолжала многократно переиздаваться вплоть до 1917 года).

3) Синтаксис латинского языка. СПб., 1874 (книга продолжала многократно переиздаваться с дополнениями и исправлениями автора до 1888 года. Была отмечена премией Петра Великого).

Бюрик

Этот учитель под слегка искаженной фамилией «Бюрик» фигурирует и в упомянутом выше плане, и во второй песне поэмы:

L

Читал Платона Бюрик — не педант,
Напротив, весельчак, но злейший в мире,
Весь белый, бритый, выхолненный фронт,
В обрызганном духами вицмундире;
К жестоким шуткам он имел талант:
Того, кто знал урок, оставив в мире,
Он робкого лентяя выбирал
И долго с ним, как с мышью кот, играл.

LI

Несчастный мальчик, с мнимой отвагой,
К доске, уже бледнея, подходил;

⁶⁹ Аттестат из студенческого дела Мережковского см. ниже.

⁷⁰ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 94.

⁷¹ К переложениям и подражаниям, связанным с чтением и разбором «Метаморфоз» Овидия на занятиях Кесслера в пятом классе, относятся три поэтических текста Мережковского, касающиеся изложения мифа о Фаэтоне во второй книге этой поэмы: первый — стихотворение под заглавием «Климена и Элиады» (ИРЛИ. № 24271. Л. 118 об. — 119), которое можно соотнести со стихами 333–366 указанной книги; второй — под заглавием «Горесть Климены» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234. Л. 35 об.) — являющийся сокращенной переработкой первого стихотворения (соотносится со стихами 333–339); третий — стихотворный перевод начала второй книги (стихи 1–11; ИРЛИ. № 24271. Л. 92 об.).

⁷² Известен стихотворный перевод знаменитой восемнадцатой оды Горация из второй книги (Carmina II, 18), сделанный Мережковским в последнем классе гимназии и вскоре опубликованный под заглавием «Из Горация» (Иностранная литература. 1883. № 7. С. 354–356); позже он был включен в первый сборник (см.: Мережковский Д. С. Стихотворения (1883–1887). СПб., 1888. С. 245–247). Поэт слушал также курс по Горацию в 8-м семестре в университете у В. И. Модестова, о чем свидетельствует сохранившаяся в студенческом деле квитанция об оплате курса (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 76). Среди бумаг Мережковского сохранился перевод еще одной, десятой, оды Горация из той же второй книги («Дни твои пройдут вереницей ясной...» — ИРЛИ. № 24209. Л. 1).

Тот одобрял его, шутил с беднягой
И понемногу в дебри заводил,
Не торопясь; но покрывались влагой
Глаза его, он медленно цедил
Слова сквозь зубы и в дремоте сладкой
Ласкал тихонько подбородок гладкий.

ЛII

Как выступал на лбу ученика
Холодный пот, с улыбкой сладострастной
Следил, и мухой в лапках паука
Тот бился все еще в борьбе напрасной:
Томила жертву смертная тоска;
«Скорей бы нуль!» — мечтал уже несчастный,
В схоластике блуждая без руля,
А смерти нет, и нет ему нуля!

(с. 566–567)

Герман (Георгий Васильевич) Бюриг (1848 — после 1901) — из остзейских немцев, сын коллежского советника, уроженец города Пернова (ныне г. Пярну); выпускник историко-филологического факультета Дерптского университета 1870 года. В августе 1874 года он был допущен к должности преподавателя греческого языка в третьей гимназии.⁷³ Из его личного дела следует, что он каждые вакансии проводил в Лифляндии или других городах Остзейских губерний.⁷⁴ В 1877 году «вступает в законный брак с Людмилою Эрнестовною Кесслер»⁷⁵ (по всей видимости, сестрой Кесслера). С 1884 года значится также воспитателем приготовительного класса Училища правоведения, где ему исходатайствовали пожалование орденом Анны 2-й степени (1891) и в день Священной Коронации — орденом Владимира 3-й степени (1896).⁷⁶ По его личному делу видно, что в третьей гимназии он никак особенно себя не проявил. Можно предположить, что он был знаком с Кесслером еще по Дерптскому университету и что именно Кесслер предложил его кандидатуру Лемониусу на освободившуюся вакантную должность учителя греческого языка. Засилье в гимназии среди преподавателей древних языков немцев во многом объяснялось тем, что возникшую после введения толстовской классической системы потребность гимназий в «классиках» русские университеты удовлетворить не могли. Поэтому охотно приглашались специалисты из немецких университетов или выпускники Дерптского, где читали профессора Лейпцигского университета и «классиков» готовили по немецкой системе, в частности, там было две «древне-классических» кафедры.

Из авторов, которые разбирались на уроках греческого языка у Бюрига, Мережковский ошибочно называет Платона («Читал Платона Бюрик...»). Однако диалоги Платона в гимназических программах этих лет не значатся.⁷⁷ Бюриг «читал» у Мережковского в шестом классе первую книгу Ксенофонта «Меморabilia» («Воспоминания о Сократе»)⁷⁸ и XIV и XV песни «Одиссеи» Гомера (первое полугодие), «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана и следующие песни «Одиссеи» (второе полугодие). В седьмом классе он читал с учениками VI и VII книги «Истории» Геродота, а в восьмом

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 42. Л. 2, 4–6.

⁷⁴ Там же. Л. 19–27, 30–31, 34, 39–40.

⁷⁵ Там же. Л. 28–29.

⁷⁶ Там же. Л. 54, 58.

⁷⁷ По воспоминаниям В. Д. Набокова, также учившегося в третьей гимназии, но на 10 лет позже Мережковского, он в седьмом классе проходил на уроках греческого Платона (*Набоков В. Д.* Петербургская гимназия сорок лет тому назад. Страничка воспоминаний // За сто лет. С. 128).

⁷⁸ Возможно, текст читался и разбирался по изд.: *Xenophontis. Memorabilia* / Текст со словарем сост. для гимназий Я. Кремером. М., 1870 (2-е изд. — 1876).

классе — «Олинфские речи» Демосфена (в первом полугодии) и вторую книгу «Истории» Фукидида (во втором).⁷⁹ Платон появился в стихе, возможно, не потому, что хорошо «ложился» в ямбическую строку, но потому, что чтение бесед Сократа в изложении Ксенофонта (в «Меморабилиях»), в связи с аберрацией памяти, запомнилось Мережковскому как чтение бесед Сократа в диалогах Платона. Курс по Платону Мережковский слушал в университете.⁸⁰

Гимназисты не любили Бюрига за фанаберию (с привкусом русофобии) и кичливость: «Из близких к начальству лиц нужно упомянуть еще Германа Васильевича Бюрига, учителя греческого языка, не пользовавшегося у нас любовью и относившегося к нам с высокомерным презрением культурного тевтона к дикарям. Когда ему задавали вопрос, он говорил: „Что за необразованные вопросы, точно из деревни“».⁸¹

Эти же качества подчеркивает в нем и Мережковский.

Внешний облик Бюрига тоже передан в поэме точно. Вот как его описывает Борис Ордин: «Говоря о „греках“, упомяну о преподавателе в старших классах, Германе Васильевиче Бюриге. Он был всегда важен, напыщен, хорошо выбрит и одет в хороший виц-фрак, а его серые, холодно глядевшие через очки, глаза хронически выражали презрение к этим „русским“ гимназистам, поведение которых он часто называл „довольно подлым“ («Gemeine Behandlung»). <...> он был <...> весьма надут, придавал себе вид какого-то бюрократа высокого ранга, но познания его ограничивались умением пользоваться примечаниями хороших немецких изданий. Когда я приобрел Геродота того самого издания <...>, которое было у Бюрига, я оказался постигшим всю эллинскую премудрость. Гимназисты, отлично понимая пустую надутость Бюрига, с удовольствием читали строки, в которых надутость и чванство остроумно высмеиваются Лукианом Самосатским в его знаменитых „Разговорах мертвых“ («Διάλογοι τῶν νεκρῶν»⁸²), и по-своейски реагировали на эти черты Бюрига. Их забавляло дурачить надутого балта <...> и они всячески изощрялись, придумывая разные хитрости».⁸³ Надменность и неучтивость по отношению к ученикам старших классов, «ошибочно принимаемые за требовательность и строгость», вызывали у гимназистов неприятие преподавателя и не располагали их к его предмету.

Следует заметить, что при общей нелюбви учеников к «греку» никто из мемуаристов не обвинял Бюрига в изощренном издевательстве над слабыми учениками. Мы имеем в виду стих «*К жестоким шуткам он имел талант...*» и следующие. Более того, в книге «До университета» А. Ярош, который, по свидетельству выпускников гимназии, очень точно описал Бюрига в своем романе,⁸⁴ подчеркивал: «Можно с уверенностью сказать, что он никогда не делал никому зла с удовольствием, из любви к искусству. Но он был груб по своей природе и, привыкнув с молодых лет видеть в своих учениках врагов, стремящихся его обмануть, он направил все свои педагогические способности на то, чтобы так или иначе победить своих врагов, и достигал это грубостью и излишней строгостью».⁸⁵

Итак, в отличие от латыни, с преподавателями по греческому Мережковскому не очень повезло. Ни «страшный» Кеммерлинг, ни усыпляющий чтением Гомера Лемониус, ни заносчивый Бюриг не могли пробудить в учениках любви к греческому языку. И Мережковский, вслед за другими воспитанниками третьей гимназии, учивши-

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 22 об. — 23. «Олинфские речи» достались Мережковскому и на выпускном экзамене по греческому (см. ниже). Возможно, текст читался и разбирался по изданию: Demosthenis orations philippicae quattuor (Olynthiacae III, Philippica I). Текст со словарем сост. для гимназий Я. Кремером. М., 1873 (2-е изд. — 1875).

⁸⁰ О чем свидетельствует сохранившаяся в студенческом деле квитанция об оплате курса по Платону у В. К. Ернштедта в 7-м семестре (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 75).

⁸¹ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 97.

⁸² Имеется в виду «Некрικοί διάλογοι».

⁸³ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 118.

⁸⁴ Бюриг, «великолепно охарактеризованный и описанный в книжке А. Яроша „До университета“» (Страхович В. Листки из воспоминаний // За сто лет. С. 144); здесь Бюриг фигурирует под именем «Бирег» (см.: Ярош А. До университета. Из истории средней школы. СПб., 1905).

⁸⁵ Там же. С. 44–45.

мися у этих «грецистов», мог сказать, что «бедный греческий язык, как и читаемые на нем писатели», остались ему «чуждыми почти совершенно», и, «поступив на филологический факультет», он должен был «учиться по-гречески сызнова».⁸⁶

По греческому языку Мережковский почти во всех классах (кроме четвертого) имел тройку, а в шестом классе и тройку с минусом,⁸⁷ что косвенно свидетельствует об отсутствии интереса в гимназические годы к этому предмету.

Попов

Имени Попова нет среди списка учителей в плане второй песни «Старинных октав». Предполагавшийся рассказ об учителе математики в младших классах (Семенникове) в окончательном тексте поэмы был заменен на характеристику учителя математики в старших классах. С этим персонажем связан самый драматический эпизод в поэме, относящийся к гимназической жизни героя:

ЛIII

Но в старших классах алгебры учитель
 Был хуже немцев — русский буквоед,
 Попов, родной казенщины блюститель;
 Храня военной выправки завет,
 Незлобивый старательный мучитель,
 Он страшен был душе моей, как бред...
 В лице — подобье бледной мертвой маски —
 Мерцали хитрые свиные глазки.

ЛIV

В нем было все противно: глупый нос
 И на челе торжественном и плоском
 Начальственная важность, цвет волос,
 Прилизанных и редких, с желтым лоском;
 Он — неуклюж, горбат, и хром, и кос —
 Казался жалким странным недоноском.
 Всегда покорен и застенчив, раз
 Я дерзким бунтом удивил наш класс.

LV

Мне от Попова слушать надоело —
 «Ровней держитесь, выпрямите грудь!»
 Я на скамью — неслыханное дело —
 Сел, опершись локтем, чтоб отдохнуть,
 И пуговиц, ему ответив смело,
 На сюртуке дерзнул не застегнуть;
 Он закричал, но я решил упрямо:
 Умру, не застегну, не сяду прямо!

LVI

Лимониус с инспектором пришли,
 И сторожа меня на новоселье
 В сырой, холодный карцер повели
 И заперли на ключ в позорной келье, —
 Жилище крыс, но там, во тьме, в пыли,
 Я чувствовал нежданное веселье:

⁸⁶ Из воспоминаний Вик. П. Острогорского // За сто лет. С. 77.

⁸⁷ См. список отметок Мережковского за 1–4 классы в первой части статьи (Русская литература. 2021. № 1. С. 140–141); отметки за старшие классы см. ниже.

Подвижником себя воображал
И в лихорадке сладостной дрожал.

(с. 567–568)

И далее идут цитированные нами в первой части статьи строфы со значимым для Мережковского середины 1890-х годов размышлением о бунтарском начале в душе героя-ребенка и о демоническом и божественном началах в человеческой душе:

LVII

Как жаждал сердцем правды я и мщенья!
Не все ль равно за что восстать — за мир
И все его обиды и мученья
Или за право расстегнуть мундир?
Тебя познал я, демон возмущенья:
Утратив сердца прежний детский мир,
Я чувствовал, — хотя был бунт напрасен, —
Что ты, Злой Дух, мой темный Бог — прекрасен!

LVIII

Тебе остался верен я с тех пор,
И, соблазненный ангелом суровым,
Не покорясь, всю жизнь веду я спор
Из-за несчастных пуговиц с Поповым:
Душа безумно рвется на простор.
За то, что я к мирам стремился новым,
За то, что рабства я терпеть не мог, —
Меня казнил Лимониус и Бог.

(с. 568)

Попов Владимир Алексеевич (1844–1911) — преподаватель математики в третьей гимназии. После окончания математического отделения в Петербургском университете (1866) преподавал в Могилевской, а потом в Псковской гимназиях. В начале 1882 года перешел в третью петербургскую гимназию на место покинувшего ее Семенникова.⁸⁸

Таким образом, Попов, действительно, вел у Мережковского уроки «в старших классах», но всего полтора года: во втором полугодии седьмого (с января по май 1882 года) и в обоих полугодиях восьмого класса (1882/1883 учебного года). Преподавал он не одну «алгебру», а сразу пять дисциплин: в седьмом классе — алгебру, тригонометрию и физику, а в восьмом, кроме того, еще и повторный курс геометрии и математическую географию.

Нарисованный Мережковским портрет, судя по воспоминаниям выпускников гимназии, очень точен. Вот каким рисует внешний облик «математика» Борис Ордин: «Небольшого роста, с рыжеватыми волосами, расчесанными на две стороны, с пробормом посередине, как носят старые женщины, с рыжеватой же бородкой и в очках, оправленных в золото, над несколько лоснившимся, красноватым, толстым носом, он был человек порядка, педантически исполнявший все обязанности преподавательской должности, — всегда аккуратный, всегда в виц-фраке казенного синего цвета. Несколько сутуловатый, с серыми, как-то сухо и „формально“ смотревшими глазами, слегка картавивший, он напоминал собою не то духовную особу — такие бывают викарные архиереи или иеромонахи-казначей — не то пожилую особу женского пола. Гимназисты уверяли, что прическу его прилизывала корова сперва на одну, а потом на другую сторону, — а странная его походка — он шел, приседая на каждом шагу, точно на шарнирах, — вызвала весьма верное, по впечатлению, прозвище, присвоенное ему

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 303.

гимназистами: „Шило в“, — некоторой части тела. Вздрагивание при каждом шаге, действительно, вызывало представление о том, что какое-то острие при каждом шаге причиняло ему укол».⁸⁹

Не только фигура, но и уроки Попова, особенно физика, носили подчас курьезный характер. Преподавание собственно математических дисциплин шло «правильно и систематично», «хоть и без огня и таланта, „шаблонно и рутинно“: «...задавалось „отсюда досюда“ пройти по учебнику и затем шло опрашивание учеников; кроме того, были классные работы — решение задач — „ex tempore“».⁹⁰ Но математическую географию он, по свидетельству учеников, знал плохо,⁹¹ а уроки физики часто сопровождалась ученическими дразнилками и розыгрышами: «Объясняя устройство батареи из элементов Лекланше, он чертил цепь их на классной доске и, по мере нанесения элементов на доску, повторял: „уголь с углем, цинк с цинком, уголь с углем, цинк с цинком“... <...> такие его однотонные декламации, при том что он стоял спиной к классу, вызывали веселое настроение класса, хором повторявшего за ним в каданс упомянутые слова. Он сердился и прекращал черчение. Объясняя какое-то химическое явление, он употреблял такую пышную фразу: „соединяется с телом белым, именуемым в общежитии мелом“. Легко себе представить, как увеселялись по этому случаю гимназисты».

«Необычайным „Spectacle Gala“ бывал день „демонстрации физических опытов“, — продолжает тот же мемуарист. — Из физического кабинета приносились разные приборы. Главный интерес традиционно вызывали электрическая машина, из которой через цепь воспитанников пробегала коловшая каждого искра, которая заставляла прыгать бузиновые шарики, а особенно „обыкновенный“ и „воздушный“ насосы. Для последнего заранее излавливалась сторожем жертва — крыса, а для первого приносилось ведро воды. В. А. Попов серьезнейшим образом отдавался объяснениям на приборах разных вопросов пройденного курса, а гимназисты полны были желаний самых школьнических. Воспитанники, „изучавшие“ пневматический насос и губившие безжалостно крысу, так „действовали“, что Попов, опасаясь за целостность прибора, взволнованно кричал: „Уопнет! Уопнет!“ («Лопнет, лопнет»). Между тем компания, „изучавшая“ пожарный насос, увлекалась до того, что скоро класс превращался в озеро, со стен текли ручьи и, по необходимости, среди крика, хохота, негодующих возгласов Попова, „демонстрация“ кончалась за невозможностью стоять на залитом водою полу».⁹²

Этой комической фигуре «математика», на уроках которого дисциплина явно «хромала» (как и он сам), никак не соответствует созданный в поэме образ «блусгителя» порядка, требующего от старшекласников военной выправки. Мемуаристы отмечали, что с воспитанниками Попов «был очень вежлив, но сух и холоден».⁹³ Следует также иметь в виду, что учитель имел право записать провинившегося ученика в журнал, но наказания осуществляли классные наставники (напомню, что наставником у Мережковского был Кесслер). Что касается Лемониуса, то, рассказывая о карцерах, мемуаристы подчеркивали, что директор сам никогда никого не наказывал, пугалом для воспитанников-пансионеров были немцы-наставники (в пансионе) и инспектор.⁹⁴ Фраза «казнил Лимониус», даже фигурально выражаясь, далека от истины.

⁸⁹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 122.

⁹⁰ Там же. С. 122–123. Впрочем, были ученики, которые положительно оценивали педагогическую методику Попова. Например, будущий профессор медицины признавался: «Говорят, он не хватал звезд с неба... Может быть, это и так, но <...> объяснения выходили наглядными, вразумительными и воспринимаемыми» (Оппель В. А. Классическое образование и 3-я С.-Петербургская классическая гимназия. С. 138).

⁹¹ «Говорили, что В. А. Попов, преподаватель космографии, далее тридцатой страницы учебника сам не знает» (Страхович В. Листки из воспоминаний. С. 141). Математическая география, которая была в программах, представляла собой один из разделов космографии.

⁹² Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 123.

⁹³ Там же.

⁹⁴ См.: Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 91. В 1881 году инспектором третьей гимназии был назначен Александр Федорович Крутков (р. 1844), с 1872 года преподаватель греческого языка в третьей гимназии (см. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 193. Л. 2–3, 39).

Кроме того, в карцер сажали учеников, совершивших серьезный проступок. И в основном это касалось младших воспитанников, наказание карцером юношей старших классов применялось в исключительных случаях (не застегнутые пуговицы на мундире к таковым не относились), тем более, когда речь шла о «приходящих» учениках. Отметим, кстати, что в эпизоде с карцером лирический герой совсем не выглядит юношей семнадцати-восемнадцати лет, а именно столько было Мережковскому, когда в гимназию пришел Попов. Ну и наконец, кажется странным, что инцидент с карцером, один из наиболее значимых гимназических эпизодов в поэме, отсутствует в плане второй песни, где автор по памяти перечисляет самые важные события детства и юности.

Все это заставляет усомниться в реальности описанного в поэме события. Сомнения подтверждает сохранившийся в фондах третьей гимназии «Кондуитный журнал» за 1881–1884 годы, фиксирующий все проступки и наказания учеников и за те полтора года (1882–1883), которые Мережковский учился у Попова. В кондуите имени Мережковского не встречается.⁹⁵

Заметим, что карцер (и не один) в гимназии был.⁹⁶ По воспоминаниям Н. Я. Чистовича, карцер «было первое, что поразило» его «детскую душу», когда в первый же день его пребывания в гимназии инспектор «вызвал самого маленького из учеников Бриггера и объявил ему, что он должен идти в карцер и просидеть в нем целый день. В чем была вина бедного Бриггера, я так и не узнал».⁹⁷ Можно предположить, что Мережковский также бывал свидетелем «расправы» над маленькими пансионерами, мог представлять себя на их месте. Но образ героя-бунтаря и процитированное размышление о демоническом и божественном началах в человеческой душе необходимы были для обозначения важной для Мережковского этого периода темы Христа и Антихриста. К реальной биографии Мережковского-старшеклассника рассказанный эпизод не имел никакого отношения.⁹⁸

Следуя композиции предыдущих главок, укажем, что по предметам В. А. Попова Мережковский имел в среднем отметку между тройкой и четверкой. На выпускном экзамене по письменной и устной математике Мережковский получил четверки, а по физике и математической географии — тройки (см. отметки ниже).

В «Старинных октавах» упоминается также законоучитель, которому дана обобщенно-отрицательная характеристика:

⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2344. Вообще, наказание карцером встречается в кондуите крайне редко. Так сурово могли наказать воспитанника за крайне неблагоприятные поступки: за курение, за обман, за приставание к барышне на улице (Л. 3, 4, 10). Однако такие провинности, как уход с уроков, дерзкий тон по отношению к учителю, даже бои подушками, вследствие чего оказались выбиты стекла в спальне пансионеров (Л. 2), карцером, судя по записям в кондуите, не наказывались. Чаще всего практиковались для пансионеров оставление после уроков, лишение обеда или ужина, запрещение прогулок и игр во дворе, а самым суровым наказанием было запрещение на выходные дни вернуться домой.

⁹⁶ См. их описание: «Карцеры были у нас двоякие: 4 темных в верхнем этаже и 4 светлых в нижнем. Карцеры были маленькие. Темные карцеры были устроены в проходной комнате между коридором, в который выходили классы, и клозетом. У этой комнаты часть была отделена деревянной стеной, и отгороженная часть была разделена поперечными перегородками на 4 стойла, или конуры, в которых были лишь маленькие скамейки, на которых можно было только сидеть, но нельзя было лежать. Стена, отделявшая карцер от проходной комнаты, имела 4 запирающихся двери и не доходила до потолка, а на высоте выше человеческого роста переходила в деревянную решетку, через которую только и мог проходить слабый свет в карцер, а так как сама передняя комната была без окон, погруженная в постоянный полумрак, то и в карцере было совсем темно. Сидеть в этих темных карцерах считалось самым серьезным наказанием. В нижнем этаже было тоже 4 карцера, но те были светлые, и заключенные могли в них читать» (Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 91).

⁹⁷ Там же. С. 92.

⁹⁸ Отметим, что описанный Мережковским инцидент как факт реальной биографии повторяли все биографы писателя (см. литературу вопроса в первой части статьи: Русская литература. 2021. № 1. С. 124, прим. 1 и 2).

LIX

В те дни уж я томился у преддверья
Сомнений горьких, и когда наш поп,
Находчивый и полный лицемерья,
Доказывал, наморщив умный лоб,
Чтоб истребить в нас плевелы неверья,
Научною теорией потоп
Иль логикой — существованье Бога, —
Рождалась в сердце вещая тревога.

(с. 568–569)

Далее настоятель гимназической церкви упоминается в связи с рассказом о внутренних переживаниях и мучительных религиозных сомнениях героя перед исповедью в младших классах.⁹⁹

Речь идет о преподавателе Закона Божия священнике Константине Ивановиче Ветвеницком (1845–1920), который одновременно был и настоятелем гимназической церкви.¹⁰⁰ Он не был строг и требователен, и, судя по ведомостям, почти все ученики получали у него и в году, и на экзаменах хорошие отметки. Мережковский имел почти одни пятерки. Выпускники в своих воспоминаниях не фиксировали на нем внимания, только Борис Ордин вскользь дал ему характеристику как человеку «добрейшему, но не имевшему большого веса в глазах гимназистов».¹⁰¹

Понятно, что резко негативная оценка законоучителя относится к области авторефлексии уже зрелого поэта, а образ лирического героя поэмы «Старинные октавы» с чертами свободолюбивого бунтарства и мучительными религиозными сомнениями не был тождествен реальному Мережковскому-гимназисту. Это подтверждает и знакомство с его гимназическим творчеством, в котором нашла отражение наивная детская вера, зиждущаяся на религиозной ортодоксии и православной церковности, то есть вера, не прошедшая через «горнило сомнения», как и в целом казенно-патриотические настроения его стихотворений, посвященных покушению и убийству государя императора (здесь сказалось семейное воспитание).¹⁰²

Гимназические реалии в «Старинных октавах» этим исчерпываются. Но, чтобы наиболее полно раскрыть заявленную тему статьи, следует обратиться к фактам гимназической жизни Мережковского, оставшимся за рамками поэмы.

В «Автобиографической заметке», говоря о начале своего творчества, Мережковский вскользь называет имя учителя русского языка: «Лет 13-ти начал писать стихи. Помню две первые строчки первого стихотворения:

Сбежали тучи с небосвода,
И засияла в нем лазурь.

Это было подражание „Бахчисарайскому фонтану“. Тогда же написал первую критическую статью, классное сочинение на „Слово о полку Игореве“, за которое учитель

⁹⁹ Говение и причащение в гимназических церквях были введены с 1875 года. Так что рассказ о сомнениях и покаяниях в грехах героя поэмы перед первой исповедью относится к первому классу.

¹⁰⁰ См. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 62. По некоторым сведениям, позже, будучи священником при Главном управлении уделов, он крестил В. В. Набокова (подробнее о нем см.: <http://zelenogorsk-spb.cerkov.ru/lyudi-v-istorii-xrama>; дата обращения: 31.01.2021).

¹⁰¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 120.

¹⁰² Мы имеем в виду такие стихотворения, как «Москва» (ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234. Л. 12–12 об.), «О Русь-страдалица, о наша мать святая...» (ИРЛИ. № 24271. Л. 135 об. — 136) и «Плач народа под Освободителе» (Там же. № 24269. Л. 153 об. — 154 об.). Текст последнего стихотворения имеет помету позднего Мережковского: «Мерзость. Как я мог написать?! Впрочем, мальчишка».

русского языка Мохначев очень хвалил меня и поставил пятерку. Я чувствовал такую авторскую гордость, которой потом уже никогда не испытывал». ¹⁰³

Как нам представляется, этот учитель сыграл существенную роль в гимназической жизни Мережковского-старшеклассника.

Мохначев

Александр Дмитриевич Мохначев (1840–1912) выпустился из третьей гимназии в 1858 году. По окончании историко-филологического факультета Петербургского университета (1862) и написания кандидатского сочинения с отличием (1864) ¹⁰⁴ он был определен преподавателем русской словесности, церковнославянского языка и французского языка в Архангельскую гимназию (1864–1870), а 3 января 1870 года перешел сверхштатным учителем русской словесности в свою третью гимназию. ¹⁰⁵ Мохначев, как можно предположить, нуждался (к 1870 году имел уже троих детей) ¹⁰⁶ и параллельно преподавал по найму в приготовительных классах Николаевского кавалерийского училища (1870–1873). ¹⁰⁷ 16 сентября 1871 года он был переведен в штат третьей гимназии преподавателем русского языка, а 30 января 1878 года перемещен преподавателем русской словесности на освободившееся вакантное место (после смерти преподавателя Н. Е. Вестенрика ¹⁰⁸). С 1879 года занимал также должность классного наставника и секретаря педагогического совета третьей гимназии. 12 марта 1886 года был назначен окружным инспектором Петербургского учебного округа. ¹⁰⁹

Еще одно упоминание учителя словесности встречается позже в записной книжке Мережковского от августа 1891 года: «На днях я встретил моего гимназического учителя, которого не видел уже десять лет. Я помню его в гимназии еще совсем молодым человеком, помню, с каким пафосом читал он нам либеральные монологи Чацкого». ¹¹⁰ Итак, Мохначев запомнился Мережковскому как молодой преподаватель, исполненный либерального пафоса, знакомящий учеников на уроках словесности с произведением, которое в министерских программах словесности не рекомендовалось.

Эту краткую оценку «словесника» дополняют воспоминания бывших воспитанников гимназии, которые называли А. Д. Мохначева наряду с такими преподавателями, как Э. Э. Кесслер и Я. Г. Гуревич, одним из самых талантливых и уважаемых учителей гимназии, умевших «увлечь и воспламенить» ¹¹¹ своим предметом класс.

О том, что уроки Мохначева «доставляли» ученикам «истинное наслаждение», вспоминал Н. Я. Чистович: «Программа того времени была такова, что главное внимание уделялось лишь старой русской литературе и до современных писателей, как Некрасов, Достоевский, Тургенев, Гончаров, и не доходит. Надо было иметь большой талант, чтобы при таких условиях сделать свои уроки интересными. И Мохначев достиг

¹⁰³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века: 1890–1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 290. Отметим ряд неточностей в этом фрагменте из автобиографии: 1) «Слово о полку Игореве» изучали в старших классах (см. программу далее); 2) первое стихотворение Мережковского было другим («Когда поэта вдохновенье...»), и оно датируется «1879. Весною» (ИРЛИ. № 24272. Л. 25 об.), т. е. начинающему поэту, действительно, не было 14 лет. О гимназическом творчестве Мережковского см. в нашей статье «...Ряд сборников его поэзии кажутся стройными вехами пройденного им пути» (Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 20 т. М., 2021. Т. 1. Ч. 1. Стихотворения и поэмы — в печати).

¹⁰⁴ См. его диплом в личном деле: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 257. Л. 12.

¹⁰⁵ Там же. Л. 1.

¹⁰⁶ См. его формулярный список из Архангельской гимназии с указанием семейного положения: Там же. Л. 8–11, 79.

¹⁰⁷ Там же. Л. 18.

¹⁰⁸ Николай Егорович Вестенрик (1835–1877), по всей видимости, вел у Мережковского русский язык в двух младших классах. См. его личное дело: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 61.

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 257. Л. 80.

¹¹⁰ Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. / Публ. М. Ю. Кореновой // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 349.

¹¹¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 122.

этого». ¹¹² Судя по всему, в старших классах он вел занятия в виде лекций, которые, по воспоминаниям В. Г. Дружинина, «слушались с большим увлечением». «Заметив в воспитаннике склонность к своему предмету или вообще к чтению», Мохначев «открывал ему доступ к фундаментальной гимназической библиотеке, в то время хорошо обставленной. На уроках <...> показывали факсимиле древних памятников письма по изданиям Общества любителей древней письменности, которые имелись в библиотеке, так как гимназия получала их по подписке». ¹¹³

Если Чистович и Дружинин рассказывают о заинтересовавших их лекциях Мохначева по древнерусской литературе, то Борису Ордину запомнились уроки по новой русской литературе. В его воспоминаниях Мохначев предстает как лишенный казенщины и педантизма, любящий свой предмет и предпочитавший знакомить учеников с произведениями сверх гимназической программы: «Талантливым и начитанным в русской словесности был преподаватель русской литературы Александр Дмитриевич Мохначев, бывший позднее окружным инспектором С.-Петербургского учебного округа. Высокого роста, с умным и смелым, часто насмешливым, по отношению к ученикам выражением лица и карих глаз, слегка коверкавший букву „Л“ — он восхищал воспитанников своим мастерским чтением русских классиков. Он часто опаздывал на уроки и нередко, предпочитая чтение хорошего автора слушанию плохих ответов, сдавался на наши просьбы и читал нам отрывки, то из Гоголя, то из Тургенева и других — вызывая восторженный смех класса...». ¹¹⁴ Следует иметь в виду, что, судя по министерским программам того времени, изучение творчества писателей-современников было из них исключено, отечественная литература заканчивалась вступлением в пушкинский период. ¹¹⁵

Можно попытаться реконструировать отношения между Мохначевым и Мережковским по некоторым косвенным сведениям и свидетельствам соучеников.

Мохначев принадлежал к 31-му выпуску учеников, окончивших гимназию в 1858 году. Он учился в одном классе с будущим известным педагогом В. П. Острогорским, ¹¹⁶ оставившим свои воспоминания о времени обучения. В эти годы учителем словесности в третьей гимназии был молодой педагог В. Я. Стоюнин, образ которого и его манера общения с учениками оставили в памяти выпускников неизгладимое впечатление. Мохначев, вероятно, мог сказать, вслед за Острогорским, что «его светлая личность» повлияла на выбор педагогического призвания и служила ему «идеалом учителя и человека». ¹¹⁷

Вот как описывает методику преподавания Стоюнина Острогорский: «Кроме изучения стихов и прозаических отрывков, с четвертого же класса начались очень заинтересовавшие нас небольшие самостоятельные сочинения, которые, обыкновенно, тут же прочитывались и обсуждались сообща в классе, под руководством преподавателя, причем к обсуждению призывался весь класс; сам же преподаватель только направлял нас, указывал погрешности и помогал их исправлению. И что особенно нравилось нам, 14–15-летним мальчикам — это то, что учитель обращался с нами как со взрослыми, никогда не смеялся над нашим невежеством. Так заинтересовались мы понемногу и книгой, стали присматриваться к самым способам выражения, начали инстинктивно чувствовать силу и красоту языка, а вместе с тем приучались различать самый строй сочинения, т. е. его тему, план, части. <...> Сочинения и их разбор в классе по-прежнему занимали самое видное место, и вот некоторые из нас осмелились представить на суд учителя свои стихотворные опыты. Не смеялся над слабыми произведениями нашей школьной музыки, явно подражавшими изучаемым образцам, он серьезно останавливался на их форме и содержании, показывал всю трудность этой формы и ничтожность, бедность или надуманность наших поэтических вымыслов

¹¹² Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 95.

¹¹³ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 103.

¹¹⁴ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 122.

¹¹⁵ См. ниже список произведений, изучавшихся в рамках министерской программы.

¹¹⁶ См.: Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. С. 620.

¹¹⁷ Из воспоминаний Вик. П. Острогорского. С. 80.

с вымышленными же чувствами <...>. Всем этим воспитывался в нас литературный интерес — единственный, кажется, умственный интерес в гимназии...».¹¹⁸

Уроки словесности у Стоюнина строились на беседах о прочитанном произведении и домашних письменных работах над ними, которые потом разбирались учителем и классом на уроках.¹¹⁹ При этом он считал, что «начинать чтения и разборы удобней с произведений, близких <...> современности».¹²⁰

Если предположить, что Мохначев во многом следовал по стопам своего учителя, то фразу в «Автобиографической заметке» о похвалах сочинения перед всем классом можно прочитать как разбор домашнего сочинения Мережковского. Кроме того, как и его наставник, Мохначев пользовался свободой и самостоятельностью в выборе тем как для разборов и сочинений, так и для своих лекций. Но что особенно важно, Мохначев унаследовал от Стоюнина желание поощрять учеников к творчеству и устанавливать доверительные отношения с юными поэтами. Известно, что учитель словесности не только знал о том, что Мережковский пишет стихи, но и сделал его в старших классах своего рода школьной знаменитостью. «Очень громка была слава „золотого пера“, окружавшая Д. С. Мережковского, воспитанника LVI выпуска (1883 г.), — вспоминает Борис Ордин. — Он был одним из немногих, почти единственный успевший вызвать полное одобрение А. Д. Мохначева, который верно и скоро оценил его литературное дарование».¹²¹

Об этом же упоминает М. А. Ляцкий, первый биограф поэта. Ссылаясь на устные воспоминания соучеников Мережковского, он писал: «Товарищи по гимназии знали, что Мережковский пишет стихи, что у него их целые тетради, но сам он крайне неохотно распространялся о своем сочинительстве и только после настоятельных просьб соглашался читать свои произведения на ученических собраниях».¹²² Здесь же Ляцкий, со слов тех же выпускников, отмечает, что за Мережковским закрепились клички «поэт» и «мечтатель» и что в старших классах «он часто затевал споры с товарищами о какой-нибудь книге, о том или ином писателе, причем проявлял обширную начитанность, меткость и оригинальность суждений».¹²³ Все сказанное корректирует представление об абсолютном одиночестве Мережковского в гимназии, акцентированное в «Старинных октавах», так же как и утверждение, что своим образованием он «обязан только себе».¹²⁴

И если вернуться к упоминанию Мохначева в «Автобиографической заметке», то кажется неслучайным, что его имя появилось сразу после рассказа о начале поэтического творчества. Можно с уверенностью утверждать, что именно Мохначеву принадлежат критические замечания почти к каждому стихотворению на литографированном сборнике избранных ранних стихотворений Мережковского.¹²⁵ Следует иметь в виду, что семь стихотворных текстов, написанных в старших классах, были тогда же (в 1880 и 1881 годах) опубликованы в журнале «Живописное обозрение» и в литературном сборнике «Отклик», что могло быть известно Мохначеву.

Начало своего критического поприща Мережковский здесь возводит к удачному школьному сочинению. Правда, сочинений о «Слове о полку Игореве» среди сохранившихся ученических работ обнаружить не удалось, но представляется не лишним привести список отложившихся в архиве Мережковского гимназических сочинений и изложений по русской словесности. Как можно заметить, кроме изложений произведений русских классиков и сочинений (рассуждений) на заданную тему, в третьей гимна-

¹¹⁸ Там же. С. 82–83.

¹¹⁹ Стоюнин В. Я. Преподавание русской литературы. 5-е изд. СПб., 1898. С. 6.

¹²⁰ Там же. С. 10.

¹²¹ Ордин Б. Из воспоминаний о 3-й С.-Петербургской гимназии. С. 125.

¹²² Ляцкий М. А. Критико-биографический очерк // Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб., 1911. Т. 1. С. V.

¹²³ Там же.

¹²⁴ ИРЛИ. № 24384. Л. 13 (рукописный вариант «Автобиографической заметки»).

¹²⁵ Этот сборник был подарен Ф. Ф. Фидлеру и сохранился в его фонде: ИРЛИ. Ф. 649. Оп. 4. № 234.

зии на уроках словесности предлагалось изложить эпизоды из сочинений, изучаемых на уроках древних языков или уроках истории.¹²⁶

Изложения третьего класса

Стихотворение Пушкина «Песнь о вещем Олеге»:

«Олег, вследствие предсказания кудесника расстается с конем» — *отметка «3»*.

«О том, как сбылось предсказание кудесника, данное Олегу» — *отметка «4+»*.¹²⁷

Баллада В. А. Жуковского «Ивиковы журавли»:

«Убийство Ивика» — *отметка «3+»*.

«Открытие преступления» — *отметка «4-» с пометой Мохначева: «Изложение хорошее — не хорошо, что много ошибок»*.¹²⁸

Изложение материала из русской истории («Куликовская битва»):

«События, предшествующие битве» — *отметка «4-»*.

«Битва и победа» — *правка и отметка отсутствуют*.¹²⁹

Сочинения четвертого класса

«Комната со стороны ее изящества», собственные рассуждения на указанную тему — *отметка «3+»*.¹³⁰

«Польза железа», собственные рассуждения на указанную тему — *правка и отметка отсутствуют*.¹³¹

«Аристид», изложение из сочинений по латинскому автору — *отметка «4=»*.¹³²

«Сравнение первой половины года со второй», собственное рассуждение на указанную тему — *отметка «3»*.¹³³

«Крестовые походы». Изложение материала из всеобщей истории — *правка и отметка отсутствуют*.¹³⁴

Сочинения пятого класса

«Разбор народной песни „Ах ты поле, мое поле“» — *правка и отметка отсутствуют*.¹³⁵

«Польза и удовольствие путешествия», сочинение на указанную тему — *отметка «4-»*.¹³⁶

«Сочинение Пушкина „Утопленник“». *Черновик*.¹³⁷

¹²⁶ В программе по словесности предлагались «разборы планов <...> произведений и изложение их содержания письменно и устно. <...> Составление рассуждений по выработанному в классе плану письменно и устно. <...> Письменное изложение переведенного в классах древних языков» (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 10–10 об.).

¹²⁷ Тетрадь для изложений Д. Мережковского, ученика 3 кл <асса> пр<иходящего> 3-й г<имназии>. 1878 г. // ИРЛИ. № 24360. Л. 2–4. Тексты с правкой учителя.

¹²⁸ Там же. Л. 4 об. — 7. Тексты с правкой учителя.

¹²⁹ Там же. Л. 8 об. — 12. Первый текст с правкой учителя.

¹³⁰ Тетрадь для изложений Д. Мережковского, ученика IV кл <асса> пр<иходящего> 3-й СПГ. 1878/1879 г. // ИРЛИ. № 24360. Л. 22–23. Текст с правкой учителем ошибок и стиля.

¹³¹ Там же. Л. 23–25 об.

¹³² Там же. Л. 25 об. — 29 об. По всей видимости, это пересказ третьей главы первой части «О знаменитых иноземных полководцах» из сочинения Корнелия Непота, которую проходили в третьем классе на уроках латыни. Текст с правкой учителя.

¹³³ Там же. Л. 30–31. Текст с правкой учителя.

¹³⁴ Там же. Л. 32 об. — 39 об.

¹³⁵ Тетрадь для сочинений Д. Мережковского, ученика 5 кл <асса> пр<иходящего> 3-й СПГ. <1879/1880 год> // ИРЛИ. № 24360. Л. 62–67 об. В общей тетради для черновых работ по всем предметам Мережковского-пятиклассника (ИРЛИ. № 24360а) на л. 37–37 об. переписан текст этой песни, а на л. 93 сверху для памяти записано: «Разбор „Ах ты поле мое поле!“ к четвергу 20 ноября <1879 года>».

¹³⁶ ИРЛИ. № 24360. Л. 68–72. Текст с многочисленной правкой учителя.

¹³⁷ Черновик в тетради: ИРЛИ. № 24360а. Л. 46–46 об., 48 об. — 52. На л. 34 об. в этой же тетради записано начало плана сочинения: «Обстоятельно изложить сочинение Пушкина

«Разбор синонимов „изобретение“ и „открытие“. Черновик.¹³⁸

Сочинения старшеклассника

«Значение Ломоносова как писателя на основании VIII оды». Черновик.¹³⁹

«Кантемир как сатирик» — правка и отметка отсутствуют.¹⁴⁰

«Взгляд Пушкина на свое поэтическое призвание» — отметка «5».¹⁴¹

«План разбора стихотворения „Анчар“» — правка и отметка отсутствуют.¹⁴²

Сохранились также черновые записи под заглавием «Тартюф»,¹⁴³ вероятно, наброски к докладу на гимназическом «Мольеровском кружке», который собирался на квартире Мережковского.¹⁴⁴

Как видно, за изложения и сочинения писатель в третьем, четвертом и пятом классах получает тройки и четверки, но эти баллы говорят не о качестве сочинения, а о низкой грамотности будущего поэта.

Напомним, что Мохначев начинает вести у Мережковского уроки с третьего класса. И если в первом и втором классах Мережковский по русскому языку имел тройки,¹⁴⁵ то с приходом Мохначева в третьем, четвертом, пятом и шестом у него — общий балл и экзаменационные отметки — четверки, а в двух последних классах Мережковский по русской словесности становится отличником.¹⁴⁶

Далее приведем список художественных произведений, которые по программе предлагались к изучению на уроках словесности в третьей гимназии. Правда, как мы видели, Мохначев не следовал педантично программе, читая и не входящие в программу произведения и разбирая произведения не в той последовательности, как было предусмотрено по программе. Например, изложение баллады «Ивиковы журавли» Мережковский писал в третьем классе, тогда как по программе эта баллада Жуковского должна была изучаться в шестом или восьмом классах¹⁴⁷ и т. д., а стихотворений Пушкина «Анчар» и «Песнь о вещем Олеге», как и народной песни «Ах ты поле, мое поле...», в программе нет.

„Утопленник“. Какое важное значение суда в государстве. Насколько несовершенен наш суд. Это занимало литературу, и вот Пуш<кин>. Сцену <так!> в крестьянской избе.

¹³⁸ Там же. Л. 69–70 об.

¹³⁹ ИРЛИ. № 24356. Л. 1–2 об. Судя по программе русского языка в 3-й гимназии «Оду на восшествие на престол Елизаветы Петровны» М. В. Ломоносова изучали в 7-м классе (см. ниже).

¹⁴⁰ ИРЛИ. № 24360. Л. 98–104. Судя по программе, 1-я сатира Кантемира разбиралась в 7-м классе (см. ниже). Однако Мережковский пишет сочинение по всем четырем (наиболее известным) сатирам, возможно, как внеклассное сочинение по предложению Мохначева.

¹⁴¹ ИРЛИ. № 24356. Л. 79–92 об. Сочинение переписано в отдельную тетрадь с надписью на обложке: «Мережковский. 1882 г.».

¹⁴² Стихотворение не входило в школьную программу. Писание планов — тезисов анализа («разборов») произведения широко практиковалось на уроках Мохначева.

¹⁴³ ИРЛИ. № 24358.

¹⁴⁴ «В последних классах гимназии я увлекся Мольером и составил из своих товарищей „мольеровский кружок“. Ни о какой политике у нас и речи не было, что не помешало мне получить однажды повестку из Третьего отделения. Нас всех пригласили в известное здание у Полицейского моста. Допрашивали и ни за что не хотели поверить, что мальчики лет 16–17-ти не занимались „свержением существующего строя“. Если меня не арестовали и не выслали — я этим обязан только положением отца. Мать сумела скрыть от него это происшествие» (Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века. С. 291). О том, что этот кружок собирался в квартире у Мережковских, см. в рукописном варианте «Автобиографической заметки» (ИРЛИ. № 24384. Л. 10).

¹⁴⁵ См. отметки Мережковского в младших классах в первой части статьи (Русская литература. 2021. № 1. С. 140–141).

¹⁴⁶ Отметки Мережковского за последние четыре класса см. ниже.

¹⁴⁷ В тексте программы иногда одно и то же произведение повторяется дважды в разных классах.

Фольклор:¹⁴⁸ «Былина об Илье Муромце» (6 класс) и «Песни калик перехожих» (7 класс).

Мировая литература: Отрывки из «Илиады» (6 класс), «Антигона» Софокла (7 класс), «Король Лир» Шекспира (7 класс), «К Мельпомене» Горация,¹⁴⁹ пер. Дмитриева (7 класс).

Древнерусская литература (в 7 классе): «Остромирово Евангелие», «Нестора летопись», «Домострой», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», отрывки из «Истории об Иоанне Грозном» Курбского <так!>.

Литература XVIII века:¹⁵⁰ «Недоросль» Фонвизина (6 класс), «1-я Сатира» Кантемира (7 или 8 класс), «Ода на восшествие на престол Елизаветы Петровны» Ломоносова (7 класс), «Видение Мурзы» Державина (7 класс), «Фелица» Державина (7 класс), «Бог» Державина (7 класс), «Памятник» Державина (6 или 7 классы), «Письма русского путешественника» (письмо из Твери, письмо от 9 августа 1789 года, письма из Парижа и Лондона 1790 года) и «История Государства Российского» Карамзина (8 класс).

Литература начала XIX века:

Жуковский: «Ивиковы журавли» (6 или 8 класс), «Опять ты здесь, мой благодатный Гений» (8 класс), «Рыцарь Тогенбург» (8 класс), «Светлана» (8 класс), «Торжество победителей» (8 класс), «Жалоба Цереры» (8 класс);

Пушкин: «Капитанская дочка» (6 класс), «Утопленник» (6 класс), «Пророк» (6 или 8 класс), «Борис Годунов» (7 или 8 класс), «Памятник» (8 класс), «Поэту» (8 класс), «Поэт и Чернь» (8 класс), «Эхо» (8 класс), «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (8 класс), «Опять на родине»¹⁵¹ (8 класс), «Безумных лет угасшее веселье...» (8 класс), «Евгений Онегин» (8 класс), «Руслан и Людмила» (8 класс);

Гоголь: «Старосветские помещики» (6 класс), «Ревизор» (7 или 8 класс), «Тарас Бульба» (8 класс), «Мертвые души» (8 класс);

Крылов: Басни (6 класс);

Лермонтов: «Пророк» (6 класс), «Песня о купце Калашникове» (8 класс), «Мцыри» (8 класс).

В заключение скажем два слова об уроках истории. Их вел у Мережковского знаменитый историк и педагог Я. Г. Гуревич. Он перешел в третью гимназию в 1875 году и был назначен преподавателем истории в старших классах, т. е. с пятого класса.¹⁵² Мережковский имел у него твердую четверку, а в последнем классе за вторую четверть даже пятерку.

Изучение истории в третьем и четвертом классах носило пропедевтический характер: в третьем классе изучалась история Древнего мира, а в четвертом — история русского и европейского Средневековья. С пятого класса началось углубленное изучение истории Древней Греции и Рима по учебнику самого Гуревича.¹⁵³ Дружинин вспоминал: «Его уроки проходили с большим интересом; он внушал желание расширять знания чтением пособий по своему предмету и нередко обращал уроки

¹⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 10 об. — 11 об. Списки художественных текстов в «программе» появляются начиная с 6-го класса. Мы komponуем их, нарушая композицию «программы», не по очередности классов, а по разделам словесности.

¹⁴⁹ Напомним, что «Илиада», трагедия Софокла «Филоклет» и оды Горация разбиралась на уроках Лемониуса и Кесслера в 8-м классе.

¹⁵⁰ Кантемир и Ломоносов отнесены к курсу «Преобразовательная эпоха».

¹⁵¹ Так озаглавил В. А. Жуковский стихотворение Пушкина «Вновь я посетил...» (1835) в подготовленном им посмертном издании сочинений поэта.

¹⁵² См.: Дело Якова Гуревича // ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 110. Л. 2–4.

¹⁵³ Гуревич Я. Г. История Греции и Рима (Курс систематический). Применительно к примерной программе для VIII класса гимназий. СПб., 1876. Для пятиклассников Гуревич предлагал читать этот объемный учебник с небольшой адаптацией (см.: Программа преподавания по истории в третьей гимназии на оба полугодия 1877–1878 уч. г. // ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 26 об.).

в чтение выдающихся сочинений по истории». ¹⁵⁴ Именно Гуревич, по воспоминаниям выпускников, привил им любовь к античному миру. ¹⁵⁵

Чтобы получить представление о серьезности изучения истории в третьей гимназии, процитируем фрагмент из «Программы по истории» за шестой класс, где подробно перечислены темы: «Пройдено будет из всеобщей истории по руководству Рождественского ¹⁵⁶ все, что относится к периоду реформации и реакции католицизма и к веку Людовика XIV; причем прочитаны будут некоторые статьи из исторической хрестоматии Гуревича ¹⁵⁷ по новой истории, относящиеся к реформационному периоду и составленные по сочинениям Ранке, ¹⁵⁸ Гейссера, ¹⁵⁹ Прескотта, ¹⁶⁰ Мотлея, ¹⁶¹ Грина ¹⁶² и Макколея, ¹⁶³ и обращено будет особое внимание на влияние черт родства и различия в личности и деятельности главных деятелей реформации: Лютера, Цвингли и Кальвина и в общем ходе реформационного движения в различных государствах Западной Европы. Средневековая история повторена будет в объеме руководства Рождественского.

Из отечественной истории пройден будет вновь очерк событий от Иоанна Грозного и до преемников Петра Великого, и повторен курс отечественной истории, пройденный в V классе по руководству Рождественского, т. е. до Иоанна Грозного. При этом прочитаны будут в классе параллельные отрывки из Карамзина и Соловьева, относящиеся к развитию характера Иоанна Грозного и к смутному времени, а также некоторые главы из первоначальных источников, относящихся к эпохе, предшествующей реформе Петра Великого, и к эпохе преобразований, а именно из соч. Котошихина, ¹⁶⁴ Голикова, ¹⁶⁵ из дневника Корба, ¹⁶⁶ из заметок Бухгольца, ¹⁶⁷ из переписки Петра Великого с Лейбницем ¹⁶⁸ и т. п.» ¹⁶⁹

¹⁵⁴ Дружинин В. Г. Гимназические годы И. А. Шляпкина. С. 104.

¹⁵⁵ Воспоминания профессора Н. Я. Чистовича. С. 94.

¹⁵⁶ *Рождественский С. Е.* Отечественная история в связи с всеобщей (средней и новой). Курс средних учебных заведений. 4-е изд., испр. СПб., 1876.

¹⁵⁷ *Гуревич Я. Г.* Историческая хрестоматия по новой и новейшей истории. Пособие для учащихся и преподавателей. СПб., 1876–1880. Т. 1–2. Здесь речь идет о второй части первого тома: «Период реформации и реакции католицизма».

¹⁵⁸ Ранке Леопольд фон (1795–1886) — немецкий историограф, основатель исторической школы, автор фундаментального трехтомного труда «Римские папы» (1834–1836), шеститомной «Истории Германии эпохи реставрации» (1839–1847), а также не доведенной до конца многотомной «Всеобщей истории» (1880–1886). В рукописи ошибочно: «Ганке».

¹⁵⁹ Гейссер Людвиг (1818–1867) — немецкий историк, автор четырехтомной «Истории реформации» (1868).

¹⁶⁰ Прескотт Уильям Хихлинг (1796–1859) — американский историк, автор монументальных работ по истории Испании XV–XVI веков.

¹⁶¹ В рукописи ошибочно: Матвея. Имеется в виду Мотли (Мотлей в произношении того времени) Джон Лотроп (John Lothrop Mothley, 1814–1877), американский историк, автор «Истории нидерландской революции и основания Республики соединенных провинций» (1874).

¹⁶² Грин Джон Ричард (1837–1883) — британский историк, автор популярной «Краткой истории английского народа» (1874).

¹⁶³ Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) — британский государственный деятель и историк, автор пятитомной «Истории Англии», над которой работал всю жизнь; она охватывает период с 1688 по 1702 год.

¹⁶⁴ Имеется в виду сочинение Григория Карповича Котошихина (ум. 1667) «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667).

¹⁶⁵ Голиков Иван Иванович (1735–1801) — автор сочинения «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1788–1789).

¹⁶⁶ Корб Иоганн Георг (1672–1741) — немецкий дипломат, будучи в Московии во время начала царствования Петра, оставил дневник с описанием событий того времени, в том числе Стрелецкого бунта.

¹⁶⁷ Бухгольц Иван Дмитриевич (1671?–1741) — сподвижник Петра I, генерал-майор, один из первопроходцев Сибири и основатель Омской крепости. Имеются в виду его донесения из экспедиции.

¹⁶⁸ Имеется в виду издание: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / [Авт. предисловия и изд.] В. И. Герье. СПб., 1873.

¹⁶⁹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5089. Л. 26 об. — 27.

На уроках истории практиковались не только устные ответы, но и письменные изложения отдельных эпизодов истории и конспектирование целых исторических периодов и эпох, которые задавались в качестве домашних заданий. Часть таких изложений и конспектов по истории Древней Греции и Рима сохранилась в фонде Мережковского.¹⁷⁰

И наконец, приведем отметки Мережковского за четыре последних года обучения (с пятого по восьмой класс), а также ведомость его выпускных экзаменов и аттестат зрелости.

5-й класс¹⁷¹

Закон Божий	Русск. язык	Латынь	Греч.	Мат.	Истор.	Франц.	Нем.
4 1/4	4	4	3	4	3 3/4	3	4

Русск. язык	За год	4	Экзамен	4	Общая	4
Латынь	За год	3 1/2	Экзамен	4—	Общая	4
Греческий	За год	3 1/2	Экзамен	3	Общая	3
Математика	За год	3 1/2	Экзамен	4	Общая	4
Франц. яз.	За год	3	Экзамен	3	Общая	3
Нем. яз.	За год	4	Экзамен	—	Общая	4

6-й класс¹⁷²

	Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физи-ка	Исто-рия	Франц.	Нем.
1 срок	5	3+	4	3	4	4	4	3	4
2 срок	5	3+	4	3	4	3	4+	3	4
3 срок	5	3х ¹⁷³	4	3	3+	4	4+	3	4
4 срок	5	3х	4	3	3+	4	4	3	4
Средняя	5	3х	4	3	4	4	4	3	5

Экзаменационные отметки¹⁷⁴

Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физика	История	Франц.	Нем.
5	3+	4	3	4	4	4	3	4

¹⁷⁰ См.: «Подвиг Леонида» (ИРЛИ. № 24360. Л. 43–47) в отдельной тетради, подписанной: «Тетрадь для истории ученика IV класса, приходящий, 1879 год»; «Быт греков по Гомеру» (ИРЛИ. № 24351, черновой набросок); «История Древней Греции» (ИРЛИ. № 24360. Л. 118–132, отдельная тетрадь под заглавием: «Конспекты по истории»), текст, в котором кратко изложены исторические события, включающие архаический период, историю Спарты и Афин; «Битва Цезаря с венетами» (ИРЛИ. № 24360а. Л. 28–34 об.) — черновик сочинения, записанный Мережковским в общей тетради, относящейся к работе над домашними заданиями по всем предметам в 5-м классе. Первое сочинение подготовлено в качестве повторения программы третьего класса, где изучался краткий курс древней и средней истории по учебнику: *Белларминов И. И.* Элементарный курс всеобщей и русской истории (Курс III и IV классов гражданских гимназий). 5-е изд., доп. СПб., 1875, или: 6-е изд. СПб., 1876. Три последних сочинения написаны в 5-м классе у Гуревича, где по новой программе предполагалось повторение и более углубленное, чем в третьем классе, изучение истории Древней Греции и Рима.

¹⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2300. Л. 68.

¹⁷² Журнал четвертных оценок учеников // Там же. № 1712. Л. 9 об. — 10.

¹⁷³ Значок указывает, что знания выше, чем удовлетворительные.

¹⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 2304. Л. 65.

Педагоги:

Закон Божий — Ветвеницкий, Русский язык — Мохначев, Латынь — Кесслер, Греческий — Бюриг, Математика + Физика — Семенников, История — Гуревич, Немецкий — Буш. Остальных подписей нет.

7-й класс¹⁷⁵

	Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физика	Ист.	Геогр.	Франц.	Нем.
1 срок	5	4+	4	3	4	4	4	4	3+	4
2 срок	5	4+	3	3+	3	4	4	4	4-	4
3 срок	5	5	4	3-	3+	3	4	4	4	4
4 срок	5	5	3	3-	3+	3	4	4	4	5
Средняя	5	5	3	3-	3	4	4	4	5	5

Экзаменационные отметки¹⁷⁶

Зак. Бож.	Русск.	Лат.	Греч.	Мат.	Физика	Ист.	Геогр.	Франц.	Нем.
5	5 ¹⁷⁷	3	3	3	4	4	4	4	5

Педагоги:

Латынь — Кесслер, История — Гуревич, Французский — Вильд. Остальных подписей нет.

8-й класс¹⁷⁸

	Зак. Бож.	Слов.	Лат.	Греч.	Алгеб.	Геом.	Ист.	Физ.+ Мат. геогр.	Геогр.	Фр.	Нем.
1 срок	5	5-	3+	3	3	3	4	3/4	3	4	4
2 срок	5	4	3+	3	3	3	5-	4/3	3	4	4+
3 срок	5	5-	4	3	3	3	4+	3/4	4	4-	3
4 срок	5	5	3	3	3	3	4	3	3	5	3
Средняя	5	5	3	3	3	3	4	3	3	5	3

Экзаменационные отметки¹⁷⁹

Зак. Бож.	Рус. Уст./ Письм.	Лат. Уст./ Письм.	Греч. Уст./ Письм.	Мат. Уст./ Письм.	Ист.	Геогр.	Лог.	Физ.+ мат. г.	Фр.	Нем.
	5/5	4/4	3/3	4/4						
5	5	4	3	4	4	3	4	3	5	3

¹⁷⁵ Журнал четвертных оценок учеников // Там же. № 1727. Л. 6 об. — 7.

¹⁷⁶ Там же. № 2305. Л. 39.

¹⁷⁷ Отметка выставлена Мохначевым красными чернилами.

¹⁷⁸ Журнал четвертных оценок учеников // Там же. № 1743. Л. 5 об. — 6.

¹⁷⁹ Там же. № 2306. Л. 17–17 об.

Экзаменационные отметки по выпускным испытаниям за 1882–1883¹⁸⁰

Вопросы	Отметка	Преподаватели
Закон Божий Сошествие Св. Духа. Христианство в Иерусалиме и Самарии. Понятия о катехизисе, об Откровении, о предании, о Книгах Нового и Ветхого Завета.	5 (отлично)	Протоиерей И. Яхонтов ¹⁸¹ Священник Ветвеницкий Законоуч. Конст. Голубков
Латынь Hor. Od. III, 3 ¹⁸²	4 (хорошо)	Кесслер Кеммерлинг Райман
Греческий Dem. Ol. B § 1 и 2 ¹⁸³ II. VII 91–120 ¹⁸⁴	3 (удовлетворительно)	Г. Бюриг Образцов
Математика Определение поверхности шара	4 (хорошо)	В. Попов
История Нашествие галлов на Рим Война с Тарентской республикой Регентство Бирона Правление Анны Леопольдовны Императрица Елизавета Петровна Плантагенеты в Англии Иоанн Безземельный Великая хартия	4 (хорошо)	Я. Гуревич

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

от

ТРЕТЬЕЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ¹⁸⁵Дан сей *Дмитрию Мережковскому*вероисповедания *православного*сыну *Тайного советника*

родившемуся 2-го Августа 1865 года

обучавшемуся 8 лет в 3-й С.-Петербургской Гимназии

и пробывшему в VIII классе 1 год, в том,

1) что на основании наблюдений за все время обучения его в 3-й С.-Петербургской Гимназии, поведение его вообще было *отличное*, исправность в посещении и приготовлении, прилежании *удовлетворительное* и любознательность *хорошая* и

2) что он обнаружил нижеследующие познания:

¹⁸⁰ Там же. Л. 21, 23, 25, 27, 29.

¹⁸¹ Яхонтов Иван Константинович (1819–1888) — протоиерей Никольского собора, помощник главного наблюдателя за преподаванием Закона Божия в учебных заведениях Министерства народного просвещения с 1878 года, духовный писатель и педагог, автор ряда книг, в том числе брошюры «Слово о поминовении Ф. М. Достоевского» (1881).

¹⁸² Horatius. Odes Lib. III. Carm. 3 (Третья песня из третьей книги «Од» Горация).

¹⁸³ Demosphen. Olynphius oration (Демосфен. Олинфские речи).

¹⁸⁴ Homer. Iliada. VII 91–120 (Гомер. Илиада. Песнь VII, ст. 91–120).

¹⁸⁵ Аттестат в студенческом деле Д. С. Мережковского: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. № 23357. Л. 44–44 об., 44 а. См. также копию аттестата: Там же. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 14.

Предметы гимназического курса	Отметки, поставленные в Педагогическом Совете	Отметки, поставленные на испытаниях, происходившем 6 мая 1883 г.
Закон Божий	<i>пять (5)</i>	<i>пять (5)</i>
Русский язык и Словесность	<i>пять (5)</i>	<i>пять (5)</i>
Логика	<i>четыре (4)</i>	
Латинский язык	<i>три (3)</i>	<i>четыре (4)</i>
Греческий язык	<i>три (3)</i>	<i>три (3)</i>
Математика	<i>три (3)</i>	<i>четыре (4)</i>
Физика и Математическая география	<i>три (3)</i>	
Краткое естествоведение		
История	<i>четыре (4)</i>	<i>четыре (4)</i>
География	<i>три (3)</i>	
Французский язык	<i>пять (5)</i>	
Немецкий язык	<i>три (3)</i>	

На основании чего и выдан ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обозначенные в §§ 130–132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 30 Июля 1871 года Устава Гимназий и Прогимназий.

С.-Петербург *Мая 29* дня 1883 года

Директор В. Лемониус

Инспектор А. Крутков

Преподаватели:

Почет. 3-й С.-Петербургской гимназии <учитель>

Законоуч. и Свящ.

Математики и Физики

Математики

Латинского языка

„-----“

Русского яз.

Истории

Греческого яз.

Русского яз.

Греческого яз.

Французского яз.

Немецкого яз.

Я. Гуревич¹⁸⁶

К. Ветвеницкий

В. Попов

Г. Суслов

Э. Кесслер

Райман

А. Барбешев

В. Геннинг

А. Образцов

П. Ветвеницкий

Г. Бюриг

Г. Вильд

Э. Буш

А. Мохначев

Секретарь Совета

Как можно видеть, в гимназических ведомостях зафиксированы вопросы, заданные Мережковскому на экзаменах. К сожалению, ряд экзаменационных листов не сохранился, например, нет листа с вопросами по словесности, французскому и немецкому языкам. Отметим, что на выпускных экзаменах в экзаменационных листах часто имеются подписи учителей, которые не преподавали у Мережковского, но присутствовали на его ответе. Кроме того, на выпускных экзаменах должны были присутствовать

¹⁸⁶ Я. Г. Гуревич возглавлял аттестационную комиссию.

и приглашенные преподаватели из других учебных заведений: перечень приглашенных на выпускные экзамены лучших университетских профессоров говорит об уровне и серьезности испытаний.¹⁸⁷

Мережковский готовился к экзаменам серьезно. В апрельском письме к С. Я. Надсону он писал: «Сегодня у нас в гимназии кончились классы. Буду готовиться к экзаменам по 8 часов в день. Вы, Семен Яковлевич, и вообразить себе не можете, какая египетская работа предстоит мне...».¹⁸⁸

¹⁸⁷ На экзамен латинского языка в экзаменационный совет был приглашен профессор римской словесности Петербургского университета Иосиф Антонович Шебор, на экзамен по математике знаменитый математик, в будущем академик, тогда профессор физико-математического факультета Петербургского университета Андрей Александрович Марков, на экзамен по истории профессор всеобщей истории и античности Петербургского университета Василий Васильевич Бауэр (ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. № 5313. Л. 5).

¹⁸⁸ Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 181.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-133-144

© Е. А. Глуховская

В. О. НИЛЕНДЕР В КРУГУ ПОЭТОВ «НЕО-ПУШКИНСКОЙ ШКОЛЫ»*

В рецензии на книгу Сергея Соловьева «Цветы и ладан» (1907) Борис Садовской отметил: «...все почти стихотворения г. Соловьева отличаются безупречною ясностью и чистотой стиля, — качества, доказывающие, что в деле словесного искусства поэт достиг высокого совершенства. По общему характеру своего теперешнего творчества г. Соловьев должен быть причислен к числу виднейших представителей нео-пушкинской школы».¹ Подробнее об особенностях «нео-пушкинской школы» рецензент не говорит, но авторское предисловие к книге позволяет сделать вывод, что речь идет о поэтической форме, идеале красоты и синтезе языческого (античного) и христианского начал.²

В предисловии к своей первой книге стихов «Позднее утро» (1909) Садовской уже упоминал не школу, а «нео-пушкинское течение» в современной поэзии, продолжающее традиции пушкинской эпохи: «Причисляя себя к поэтам пушкинской школы, я в то же время не могу отрицать известного влияния, оказанного на меня новейшей русской поэзией, поскольку она является продолжением и завершением того, что дал нам Пушкин. С этой стороны, минуя искусственные разновидности так называемого „декадентства“, которому Муза моя по природе всегда оставалась чуждой, я примыкаю

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)».

¹ Садовской Б. [Рец. на:] Сергей Соловьев. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907 // Русская мысль. 1907. № 6. Библиографический отд. С. 106–107.

² Соловьев С. Цветы и ладан. Первая книга стихов. М., 1907. С. 7–10. Идея синтеза, очевидно, восходит к первой символистской работе о Пушкине — статье Д. С. Мережковского, в которой автор говорит о поэте как творце, стремящемся объединять мировые антиномии (язычество–христианство, Запад–Восток, искусство–жизнь и т. д.) и гармонизировать их в творчестве: «...миросозерцание Пушкина, так же как всех истинных людей Возрождения, — например, Гете и Леонардо да Винчи, — шире нового мистицизма, шире язычества. Если Пушкин не примиряет этих двух начал, то он, по крайней мере, подготавливает возможность грядущего примирения»; «Поэзия Пушкина представляет собою редкое во всемирной литературе, а в русской единственное явление гармонического сочетания, равновесия двух начал» (Мережковский Д. С. А. С. Пушкин // Философские течения русской поэзии. СПб., 1896. С. 22, 44). К этому поэтическому идеалу и призывает Соловьев во вступительной статье к «Цветам и ладану».